

О ЧЕМ

КАМИЛЛА УЭЙ

МЫ

**Психологический триллер высшей пробы: умно
выстроенный и буквально вибрирующий от напряжения.**

Sunday Mirror

СОЛГАЛИ

Камилла Уэй
О чем мы солгали
Серия «Двойное дно:
все не так, как кажется»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48507164
О чем мы солгали : [роман] / Камилла Уэй: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-115374-8

Аннотация

Дочь

Бет всегда понимала, что с ее дочерью Ханной что-то не так. Лишенная эмпатии, странная, замкнутая и жестокая, девочка с ранних лет пугала мать. И чем старше становилась Ханна, тем опаснее оказывались ее игры...

Сын

Люк – почтительный и любящий сын идеальных родителей, и его девушка Клара счастлива с ним. Но однажды Люк бесследно исчезает. В отчаянии Клара пытается найти хоть какую-то зацепку, которая объяснит ей, что случилось с ее любимым.

Жизнь, выстроенная на лжи

Чем глубже Клара погружается в прошлое своего бойфренда, тем больше страшных секретов она открывает. И наконец, узнав, кто такая Ханна и как она связана с Люком, Клара понимает,

что ее собственная жизнь тоже в опасности. Успеет ли она что-то предпринять, пока не станет слишком поздно?

Содержание

1	5
2	7
3	22
4	34
5	55
6	64
7	77
8	84
9	102
10	109
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Камилла Уэй

О чем мы солгали

Альберту и Сидни

1

Кембриджшир, 1986

Я поняла не сразу, что это отрубленная голова. И только потом, подойдя вплотную, увидела: это Луси. Брызги желтого на белой подушке показались мне издали то ли скомканным носком, то ли измятым платочком. Но как только я разглядела нежный хохолок, крохотный поникший клювик, то сразу все поняла. Неожиданно для себя догадалась и о большем, в тот миг все стало ясным.

Я прошептала: «Ханна?» В коридоре за дверью в спальню скрипнула половица. Голову словно сдавило обручем. Я позвала громче, все еще дрожащим от страха голосом: «Ханна, это ты?» В ответ – тишина, но я ощущала ее присутствие, чувствовала, что она здесь рядом, выжидает, прислушивается.

Я не хотела дотрагиваться до моей маленькой птички, не могла смотреть на тонкую коричневую линию застывшей крови в том месте, где головку отсекли от тела, на ее полуоткрытые остекленевшие глаза. Меня замутило при мысли о том, была ли она жива или мертва, когда все это произошло.

Войдя в комнату, я увидела Ханну: она стояла у окна и глядела на сад. Я окликнула ее, она повернулась, прекрасные карие глаза смотрели мрачно, на губах блуждала еле заметная улыбка. Она сказала: «Да, мамочка... Что-то случилось?»

Лондон, 2017

Клара проснулась от шума дождя, сирены, ревушей где-то далеко на Олд-стрит, и от глубоких ударов баса, равномерно пульсирующего из колонок соседей. Она сразу же поняла, что Люка не было – ни в их кровати, ни дома. Клара просто лежала без движения, глядя в темноту, затем потянулась за телефоном, на экране высветилось время: 04.12. Ни пропущенных звонков, ни сообщений. Через щели в занавесках был виден дождь в ярко-оранжевом свете уличных фонарей. Внезапно под окном ее квартиры на Хокстон-сквер раздался пронзительный женский хохот и через мгновение послышался нестройный цокот каблучков.

Прошел целый час, прежде чем она забылась сном. А за дверью спальни голубой свет уже начал проникать в темные углы квартиры, предметы мебели постепенно обретали форму, их цвета и очертания проступали из сумрака подобно очертаниям кораблей. В клубах и барах на площади затихла жизнь, давно ушли последние посетители. Скоро остатки ночи смоем шуршание щеток и скрип колес уборочных машин, люди покинут свои дома и потянутся к автобусным

остановкам и станциям метро, начнется новый день.

Сверху еще доносились монотонные пульсирующие звуки, когда она, усевшись на кровати и завернувшись в одеяло, уставилась в телефон, а в ее измученном мозгу рождались все новые и новые догадки. Вчера в офисе они не смогли перекинуться и парой слов, Клара ушла, ничего не зная о его планах на вечер. После работы она ненадолго встретилась с подругой в баре и потом рано легла спать, полагая, что в скором времени он вернется домой. Стоит ли позвонить ему сейчас? Клара помедлила. Они съехались только шесть месяцев назад, меньше всего ей хотелось быть девушкой, которая вечно ноет, придирается, сует нос в его дела и устанавливает комендантский час, их отношения строились иначе. Наверное, он где-то весело проводил время. Ей не привыкать. Такое случалось и раньше, несколько бокалов подкреплялись еще несколькими бокалами, в итоге он шел отсыпаться к какому-нибудь приятелю.

Но сейчас что-то не давало ей покоя, но что? Он не только не написал, но и вообще не пришел домой.

Лишь в душевой кабинке Клара вспомнила, какое сегодня число. Среда, двадцать шестое. Собеседование Люка. Она застыла с открытым флаконом шампуня в руке. День важного собеседования, после которого можно было рассчитывать на серьезное повышение.

Он готовился к нему задолго; исключено, чтобы Люк гулял где-нибудь всю ночь перед событием, так много значив-

шим для него. Быстрым движением Клара выключила воду и, на ходу заворачиваясь в полотенце, поспешила в комнату за телефоном. Нажала на кнопку вызова, с нетерпением ожидая гудка соединения. Где-то внизу раздался резкий вибрирующий звук. Присев на корточки и заглянув под кровать, Клара увидела его на пыльном полу – забытый, затерянный телефон Люка. «Черт», – выругалась она вслух, и в ответ, словно удивившись звуку голоса, резко оборвалась пульсирующая над ее головой музыка.

Она открыла почту и, конечно же, нашла сообщение от Люка, отправленное вчера вечером в 18.23 с рабочего адреса.

Привет, милая! Снова забыл телефон дома. Останусь на работе часов до восьми, надо уточнить пару вещей к собеседованию, потом домой – хочу выспаться перед завтрашним. Проводишь время с Зои, не так ли? До скорого, Л.

Час спустя, идя по направлению к Олд-стрит, она велела себе собраться. Он наверняка передумал, вот и все. Решил пропустить по пинте с ребятами из его команды, а потом завис с ними на всю ночь. Предупредить не мог, так как телефона под рукой не было – добавить больше нечего. Она вот-вот увидит его в офисе и он – явно смущенный, страдающий от похмелья, – будет рассыпаться в извинениях. Так почему же так щемит сердце? Под сырым и бесцветным, как старая

жвачка, апрельским небом Клара шла вдоль уродливой, уже закупоренной транспортом, магистрали, мимо суровых громадных зданий у кольцевой развязки, по широким тротуарам, заполоненным жителями пригородов со стаканчиками кофе в руках, в наушниках, устремленных в телефоны – или же погруженных глубоко в себя, ничего не замечающих вокруг, – все, как один, стекались к выложенному белой плиткой входу в подземку, которая затягивала их вглубь, уносила на огромной скорости и вновь выплевывала в другом конце города.

Издательство, где они оба работали, располагалось в центре Сохо. Они познакомились там три года назад будучи сотрудниками разных журналов – она публиковалась в финансовом вестнике, он возглавлял отдел дизайна в журнале по архитектуре, выходившем раз в квартал, – и вскоре начали встречаться.

Это был ее первый день в Бриндл-Пресс. Желая произвести хорошее впечатление, Клара вызвалась приготовить и разнести утренний чай. Она, пока заливала кипятком чайные пакетики и добавляла молоко и сахар, с волнением пробегала глазами по списку сотрудников и, не осознав, что поставила на поднос слишком много чашек, поспешила из кухни. Когда поднос выскользнул из рук и звучно грохнулся на пол, зрелище было просто неопишваемым: разбросанные повсюду осколки фарфора, дымящиеся потоки темной жидкости и промокшее насквозь платье, столь тщательно подо-

бранное для «первого дня».

Черт! Черт, черт, черт. Только тогда она заметила его, высокого симпатичного парня, стоявшего в проеме и весело наблюдавшего за ней. «Ох», – произнес он и нагнулся, чтобы помочь ей. Она простонала:

– Господи, я идиотка!

Он рассмеялся:

– Не переживай, – утешил он и добавил, – я – Люк.

В тот вечер, когда новые коллеги пригласили Клару в паб отметить начало работы, девушка увидела его сидящим за барной стойкой – взгляды встретились, ее сердце бешено забилось, и карие глаза Люка, казалось, приковали ее к месту – как если бы он протянул руку и прикоснулся к ней.

А сейчас, когда она подошла к рабочему столу, раздался телефонный звонок, мигала кнопка внутреннего вызова. Клара рванула трубку телефона: «Люк?»

Но это была его ассистент, Лорен.

– Клара? Куда он, мать его, делся?

Ее щеки залил румянец.

– Я не знаю.

На другом конце повисла неловкая пауза.

– Что, ты не... разве ты не видела его сегодня утром?

– Он вчера не ночевал дома, – призналась Клара.

Последовала еще одна пауза, пока Лорен переваривала новость.

– Хм.

Клара услышала, как Лорен громко сообщила присутствующим: «Он вчера не ночевал дома», – а затем мужской хохот, недвусмысленные комментарии, и хотя она не все отчетливо разобрала, общий тон был понятен – ну и дрянной же мальчишка этот Люк. Они прикалывались, ясное дело, и их беззаботный смех действовал в некотором роде успокаивающе. Она все еще крепко сжимала трубку, когда вновь зазвучал голос Лорен:

– Ладно, не волнуйся. Наверное, сдох засранец в какой-нибудь канаве, – пошутила она. – Увидишь его, передай, что Чарли в ярости: Люк пропустил совещание, а сегодня обсуждали обложку нового номера. До связи! – И Лорен повесила трубку.

Возможно, стоило пройтись по списку его контактов, обзвонить друзей. А что, если он скоро придет? Расстроится, что она подняла такую шумиху. Он просто обязан объявиться рано или поздно, в конце концов, люди именно так и поступают – они возвращаются.

Неожиданно на память пришел Джо Маккензи, лучший друг Люка, и впервые за это время Клара приободрилась. Мак. Уж он-то знает, что делать. Она схватила мобильный, выбежала в коридор, чтобы позвонить ему и, едва услышав столь хорошо знакомый выговор жителя Глазго, почувствовала себя спокойно.

– Клара, как дела?

Она представила себе его бледное серьезное лицо, небольшие карие глаза, рассеянно выглядывающие из-под копны темных растрепанных волос.

– Ты видел Люка? – спросила она.

– Одну секунду. – На заднем плане ревели «The White Stripes», и пока Клара с нетерпением ждала, она мысленно рисовала себе, как он пробирается сквозь хаос своей фотостудии; потом звуки музыки резко оборвались и Мак спросил:

– Люка? Нет. Почему? Что за ... – ты разве не..?

Она начала быстро говорить, слова безостановочно слетали с ее губ: про то, как Люк забыл телефон, про его сообщение и несостоявшееся собеседование.

– Да, дела, – сказал Мак, как только она закончила. – Это все странно, тут ты права. Люк никогда бы не пропустил собеседование. – Он задумался. – Я обзвоню всех. Спрошу, не видел ли кто его. Может, он ушел в загул и проспал, ты же его знаешь.

Однако через полчаса Мак прислал эсэмэс: «Никто про него не слышал. Буду держать руку на пульсе, уверен, он найдется».

Клара не могла избавиться от ощущения, что что-то пошло не так. Несмотря на смешки коллег, она не думала всерьез, что он с другой женщиной. Даже если предположить, что была другая женщина, связь на одну ночь, конечно

же, не могла так затянуться. Она заставила себя взглянуть правде в глаза: истинная причина ее беспокойства в том, что у Люка завелся «сталкер».

Все началось около года назад, когда Люк стал употреблять это слово в кавычках, относясь к происходившему с долей юмора. И даже окрестил сталкера «Бэрри», смешным безобидным именем, показывая этим, насколько беспечно он ко всему этому относился. «Бэрри снова наносит удар», – говорил Люк после очередного злобного комментария на Фейсбуке или молчаливого телефонного звонка, или непрощенного подарка, присланного по почте.

Но стали происходить более странные вещи. Сначала кто-то подсунил под дверь конверт с фотографиями. На каждой из них был Люк в повседневной обстановке: вот он стоит в очереди в кафе, а вот идет к метро или садится в их машину. Как сказал Мак, кто бы ни сделал снимки, он должен был следовать за Люком по пятам с широкоугольным объективом. Клару до сих пор трясло. Фотографии просунули через прорезь в почтовом ящике, откровенно цинично, как будто хотели сказать: «Смотри, что я могу, это так просто». Хотя она умоляла вызвать полицию, Люк и слышать об этом не хотел. Он словно нарочно решил притвориться, будто ничего не происходит, что это всего лишь назойливое недоразумение, которое пройдет само собой. Сколько бы Клара ни уговаривала его, он оставался непреклонен.

А потом... три месяца назад Клара и Люк поздно верну-

лись домой после вечеринки и обнаружили, что дверь взломана. Они обошли квартиру в полной тишине, осознавая, что здесь уже побывал чужак и порылся в их вещах; и то чувство отвращения и страха, которое Клара при этом испытала, ей уже не забыть никогда. Но вот странное дело – они нашли квартиру в идеальном порядке: ничего не украдено и, насколько она могла судить, не сдвинуто с места. И только на кухонном столе оставлена записка от руки на страничке, вырванной из блокнота Клары: «Я буду за тобой приглядывать, Люк».

По крайней мере, это напугало Люка достаточно, чтобы разрешить Кларе обратиться в полицию. Полицейские объявились лишь на следующий день и не продвинулись в поисках ни на йоту – соседи ничего не видели, отпечатков пальцев обнаружено не было, а поскольку все вещи целы и на своих местах, так называемое «расследование» тихо сошло на нет.

И что еще более загадочно – после этого незнакомец, кем бы он ни был, потерял, казалось, всякий интерес. Неделя за неделей никаких происшествий... Люк торжествовал. «Видишь? – спрашивал он. – Говорил тебе, когда-нибудь ему наскучит». Хотя Клара пыталась выкинуть эту историю из головы, она была не в состоянии забыть ни угрожающий тон записки, ни то, что преступник бродил где-то рядом, выжидая удобного случая.

И вот теперь Люк исчез. А что, если «Бэрри» приложил к

этому руку? Стоило ей только об этом подумать – она тут же мысленно увидела Люка, как он смеется и закатывает глаза: «Господи, Клара, хватит все так драматизировать!» На смену утру пришел день, нарастало дурное предчувствие, и вместо любимого кафе во время обеда Клара направилась напрямиком к подземке.

Через полчаса она уже была на Хокстон-сквер. Стоило только увидеть их сквот, здание из желтого кирпича в самом дальнем углу улицы, как Клару наполнило чувство уверенности в том, что Люк ждет ее дома; она пробежала последние несколько сотен ярдов мимо ресторанов и баров, мимо черных оград и утопающих в тени газонов центрального парка, остановилась, тяжело дыша, перед входной дверью, с нетерпением открыла ее ключом и взлетела по лестнице к их квартире. Вошла и не обнаружила там никого.

Клара опустилась в кресло, вокруг было невыносимо тихо и спокойно. Она взяла с кофейного столика фотографию, которую вставила в рамочку, как только они съехались с Люком. Их совместное фото, сделанное знойным июньским днем три года назад в парке Хэмпстед-Хиз – прижавшись к друг другу, Люк и Клара со смехом смотрят в камеру. В то первое лето на них волной нахлынули бесконечные обжигающие дни, город принадлежал лишь им двоим. Это была любовь с первого взгляда, легкая, как дыхание, Клара еще не встречала никого, похожего на Люка – красивого, жизне-

радостного, ласкового, полного энергии и очарования молодого человека, считавшего Клару – к ее величайшему изумлению – столь же неотразимой. Она смотрела на фотографию, на пойманное в объектив мгновение счастья, запрятанное под стекло, и водила пальцем по его лицу. «Где ты? – прошептала Клара. – Где ты, черт тебя подери, Люк?»

В эту секунду хлопнула входная дверь на первом этаже и ее сердце ёкнуло. Затаив дыхание, Клара вслушивалась в нарастающий шум шагов на лестнице. Когда шаги замерли на их площадке, Клара вскочила с кресла и бросилась открывать дверь, но с удивлением обнаружила там не Люка, а соседку с верхнего этажа, уставившуюся на нее с не меньшим изумлением.

Клара не знала имени женщины, поселившейся над ними шесть месяцев назад. Ее возраст сложно было угадать, где-то между двадцатью пятью и тридцатью пятью годами. Тощая шатенка с прямыми длинными волосами и тонкими чертами лица под толстым слоем косметики. Случалось, Клара и Люк сталкивались с ней на лестнице, но за все время, пока они здесь жили, она ни разу не ответила на их приветствие, попросту проходила мимо шаркающей походкой, глазами в пол. Когда же один из них поднимался к ней в квартиру, чтобы попросить сделать потише музыку, гремевшую в динамиках сутками, она не открывала дверь, лишь прибавляла звук до тех пор, пока они не уходили.

– Могу чем-нибудь вам... – начала было Клара, но жен-

щина уже направилась к лестнице. Клара молча смотрела ей вслед, однако волнение и стресс дали о себе знать. – Извините! – выпалила она и соседка мгновенно застыла: нога занесена над следующей ступенькой, взгляд отведен в сторону. – Я по поводу музыки. Может, хватит уже? Грохочет всю ночь, а иногда и большую часть дня, нельзя ли время от времени выключать ее совсем?

Сначала Клара решила, что женщина не станет ей отвечать, но та медленно повернула к ней лицо. Прежде чем снова отвести глаза, густо подведенные черным карандашом, она посмотрела на Клару в упор и, с легким намеком на улыбку, тихо спросила:

– Где Люк, Клара?

Клара до того растерялась, что онемела.

– Прошу прощения?

– Где Люк, Клара?

Кто бы мог подумать! Соседке были известны их имена. Возможно, увидела надпись на почтовом ящике, но смущало то, как она это произнесла – обыденным, привычным тоном, с такой странной улыбкой на губах.

– О чем вы говорите? – спросила Клара, но женщина повернулась и продолжила подниматься по лестнице. – Извините! Почему вы интересуетесь Люком? – ответа не последовало.

Клара проводила ее взглядом. Казалось, весь мир сгово-

рился против нее, задумав сыграть с ней какую-то невероятную шутку. Дверь этажом выше открылась и захлопнулась, и Клара, наконец, вернулась домой. Постояла несколько секунд в их маленькой прихожей, прислушиваясь, пока сверху не начал бить по потолку привычный пульсирующий звук баса.

Уже половина второго – самое время возвращаться на работу, иначе коллеги будут волноваться. Но Клара не пошевелилась. Пора начать обзванивать больницы? Надо поискать номера телефонов – так, по крайней мере, она будет что-то делать. Клара направилась в кладовку, которую они использовали как кабинет, оживила ноутбук Люка простым нажатием мышки, и сразу же высветилась страница Gmail и почтовый ящик Люка.

На мгновение палец завис над мышкой, пока она, осознавая, что не следует совать нос куда не просят, смотрела в экран. Но потом взгляд упал на список папок. Среди привычных «входящие», «черновики» и «корзина» была одна, названная просто – «сука». Испытав легкий шок, Клара открыла ее. Там было не менее пятисот сообщений, присланных в течение последнего года с разных аккаунтов, подчас по пять штук за день – тут было отчего разинуть рот. Она начала кликать по ним и читать одно за другим.

Видел меня сегодня, Люк? А я тебя «да». Смотри в оба!

И:

Я тебя знаю, Люк. Я знаю, кто ты и что ты сделал. Тебе удалось одурачить почти всех, но только не меня. Мужчинам, подобным тебе, меня не одурачить.

Как поживают родители, Люк? Как Оливер и Роуз? Они знают правду о тебе – твоя семья, твои друзья, твои коллеги? А твоя маленькая подружка... или она слишком тупа, чтобы что-либо просечь? Долбаная идиотка, но и она скоро обо всем догадается.

Затем:

Женщины для тебя ничто, верно, Люк? Мы здесь для твоего удобства – перепихнуться, поиздеваться, использовать и переступить через нас. Мы для тебя как одноразовая посуда. Ты думаешь, что неприкасаем, что тебе все сойдет с рук? Подумай еще, Люк.

Следующее:

Что они скажут о тебе на твоих похоронах, Люк? Попрощайся со всеми, конец близок.

Последнее сообщение было отправлено несколько дней

тому назад.

Иду за тобой, Люк. До скорого.

Так это женщина? Выходит, он знал уже несколько месяцев, знал и ничего ей не сказал, даже словом не обмолвился о сообщениях. Интересно, имел ли Люк представление о том, кто она. Уж ей-то было известно о нем многое – имена родителей, место работы, почти каждый его шаг. Была ли она тем человеком, кто взломал их квартиру, подбросил снимки, письма? В голову закралась совсем уж сумасшедшая мысль, что все происходящее – розыгрыш. Кто-то из его друзей решил сыграть с Люком изощренную шутку. Но тогда где же Люк, где он? *Иду за тобой, Люк. До скорого.*

Клара пребывала в глубокой задумчивости, когда звонок домофона разрезал тишину; она подскочила от неожиданности и страха.

Кембриджшир, 1986

Мы очень долго ждали ребенка. Годы и годы. Врачи не могли нам объяснить. Не находили ни одной причины, почему у нас с Дагом ничего не получалось. «Бесплодие неясного генеза» – единственное, что нам сказали. Кажется, создать семью легко, но если потом тебя лишают ее, крадут будущее, о котором грезил, – это похоже на смерть. Я всегда хотела быть матерью. Когда школьные друзья шли учиться в университет или находили работу в центре Лондона, я знала, что это – не мое. Я не стремилась делать карьеру, покупать большой дом или иметь много денег. Мне хватало нашего коттеджа в деревне, где я выросла, строительного бизнеса Дага. Я лишь мечтала о детях, как и Даг.

Обычно я встречалась со своими бывшими одноклассниками, когда они приезжали в деревню на праздники. Я понимала, что была для них женщиной без амбиций, одетой в вещи, купленных на рынках, видела в их взглядах недоумение – или намек на превосходство, когда они осознали мое нежелание походить на них. Меня это не волновало. Я знала, что буду счастливой, когда моя мечта осуществится.

Год за годом, женщина за женщиной... ситуация начала меняться. Они начали меняться. К тридцати годам то одна, то другая стали приезжать на выходные с младенцами на руках. К тому времени я пыталась забеременеть в течение нескольких лет, многие, многие месяцы глотала разочарование, но ничего меня так не ранило, как этот бесконечный парад детей девушек, с которыми я когда-то ходила в школу.

Потому что я видела по лицам, как это переменяло их. Как буквально за одну ночь все, что определяло смысл их существования – красивые шмотки, карьера, удачливые мужья – вдруг отошло на второй план в сравнении с тем, чем они сейчас обладали. И это были не физические изменения, не пятна молока на одежде и не утомленные лица, не усталость от навалившейся ответственности, не принадлежность к некому новому сообществу и даже не материнская преданность, которую они испытывали. В их глазах читалось новое сознание, и это было тем, я так думаю, что меня особенно ранило. Казалось, они перешли в другое измерение, где жизнь приносила удовлетворение и была наполнена смыслом на непостижимом для меня уровне. Чувства зависти и безысходности, которые я испытывала, опустошали.

Насколько мне известно, многие женщины счастливы и без детей; они ведут вполне полноценную жизнь, в которой нет места ребенку, но я не из таких. Сколько себя помню, я всегда мечтала только об одном – иметь семью.

И когда наконец-то... наконец-то чудо произошло – это

было самое удивительное, радостное событие, которое только можно было представить. Меня наполнило редкое чувство невыразимого восторга, когда я впервые взяла Ханну на руки. С самого начала мы с Дагом очень сильно полюбили Ханну. Мы многое принесли в жертву, ждали ее так долго... так бесконечно долго.

Не помню точно, когда появились первые сомнения. В первое время я себе в этом не признавалась. Все списывала на усталость, стресс материнства и сотню других вещей вместо того, чтобы взглянуть правде в глаза. Я никому не рассказывала о своих волнениях. О своих страхах. Я говорила себе, что этот здоровый и красивый ребенок был нашим – вот и все, что имело значение.

А теперь я знаю. Удивительным образом я и тогда знала, что что-то было не в порядке с моей девочкой. Безошибочный природный инстинкт, наподобие того, что помогает животным чувствовать опасность в своей среде. Тайком я сравнивала ее с другими малышами – в клинике, в клубах матери и ребенка, в супермаркете. Я наблюдала за их реакциями, выражением глаз, за тем, как менялись эмоции на их личиках, а потом смотрела в красивые большие карие глаза Ханны и ничего там не находила. Ум – да, за него я никогда не переживала, но эмоции – нет. Никакого проявления чувства с ее стороны. Я расточала любовь, но она словно не доходила до Ханны, струясь и соскальзывая с нее, как капли воды с дождевика.

Когда я рассказала о своих опасениях Дагу, он с легкостью их отмел. «Она просто спокойная, вот и все, – сказал он – позволь ей быть собой, дорогая». И я позволила себе расслабиться, увериться в его правоте, в том, что Ханна была в порядке, а страхи на ее счет существовали только в моем воображении. Но незадолго до ее трехлетия случилось нечто, что уже и Даг не мог игнорировать.

Я готовила завтрак на кухне в то время как Ханна сидела на полу и играла на импровизированной барабанной установке из кастрюль, сковородок и ложек, которые я достала, чтобы как-то занять ее. Она монотонно стучала по одной из сковородок, звук от ударов рикошетом отдавался в моей голове, и когда я уже мысленно отругала себя за неудачную идею, шум внезапно прекратился.

– Ханна хочет печенье, – объявила она.

– Нет, милая, не сейчас – сказала я, улыбаясь. – Я варю овсянку. Вкусную овсянку! Все будет готово через минуту.

Она поднялась с пола и сказала громко:

– Ханна хочет печенье сейчас!

– Нет, солнышко, – ответила я более решительно. – Сначала завтрак, подожди.

Я нагнулась к нижнему ящичку, гремела посудой в поисках миски и не услышала, как она подошла ко мне сзади. Когда я обернулась, почувствовала внезапную жгучую боль в глазу и тут же отпрянула в шоке. Мгновением позже я поняла, что произошло – Ханна с размаху ударила концом ме-

таллической ложки в мой глаз с такой силой, какую я в ней и не подозревала. Сквозь накативший на меня ужас, всего на долю секунды я увидела реакцию Ханны – на ее лице промелькнуло удовлетворение, прежде чем она повернулась ко мне спиной.

Я была вынуждена взять ее с собой в госпиталь, поскольку до возвращения Дага оставалось еще несколько часов. Не имею представления, поверила ли мне медсестра отделения неотложной помощи или же решила, слушая мои неубедительные оправдания, что я – побитая жена, очередная жертва семейной пьяной ссоры. Если же она, к моему стыду и страху, догадалась, то никак не прокомментировала произошедшее. И все это время Ханна молча, без интереса слушала, как я лгала о том, что налетела на дверь и наблюдала за медсестрой, накладывавшей мне повязку.

Вечером, когда Ханна уже лежала в кровати, мы с Дагом сидели за кухонным столом, уставившись друг на друга.

– Ей еще и трех нет, – сказал мертвенно-бледный Даг. – Ханна лишь маленькая девочка, она не понимала, что творит.

– Нет, понимала, – ответила я ему. – Она отлично осознавала, что делала. А потом даже бровью не повела, села обратно на пол и продолжила барабанить по этим чертовым кастрюлям, как будто ничего не произошло.

После этого случая Ханна становилась все хуже. Все дети делают больно друг другу, это случается сплошь и рядом. В

любом детском саду, в любом уголке страны они будут кусаться, бить и колотить друг друга. Потому что раздражены или потому что другой ребенок обидел их, или просто потому что хотят получить игрушку. Но не преднамеренно, не ради удовольствия, в отличие от Ханны. Я следила за ней подобно соколу и видела, как Ханна делала это, замечала выражение ее глаз, когда она быстро оглядывалась по сторонам, прежде чем ущипнуть или шлепнуть. Реакция на боль служила для нее стимулом. И мне это было известно. Я сама все видела.

Мы отвели ее к врачу, настояв на визите к детскому психологу – отправились втроем в Питерборо на встречу с мужчиной в красном джемпере по имени Нил, с искренней улыбкой и мягким голосом. И хотя он делал все возможное, предлагая Ханне нарисовать ее чувства или рассказать какую-нибудь историю при помощи кукол, она категорично отказывалась. «Нет, – говорила она, отшвыривая карандаши и игрушки. – Не хочу».

– Послушайте, – сказал Нил после того, как секретарь уведла Ханну в другую комнату. – Она очень маленькая. Дети иногда устраивают сцены. Весьма вероятно, она не осознавала, что может серьезно вас поранить. – Он помолчал, с сочувствием глядя мне в глаза. – Вы отмечали отсутствие в ней привязанности, отсутствие... эмоциональной отдачи. Дети изредка копируют поведенческую модель своих родителей. Маме или папе полезно помнить в этой ситуации, что

они – взрослые люди, и что ребенок не обязан удовлетворять их эмоциональные потребности.

Он сказал все это самым доброжелательным тоном, очень деликатно, но я мгновенно пришла в ярость:

– Я нянчусь с этим ребенком дни напролет, – прошипела я, игнорируя успокаивающее прикосновение Дага к моей руке. – Я бесконечно общаюсь с ней, играю, целую, люблю ее и не прекращаю говорить ей, какая она особенная. И я во все не жду от своей трехлетней дочери, что она будет «удовлетворять мои эмоциональные потребности». Вы считаете меня идиоткой?

Но он заронил зерно сомнения, намек был очевиден. С какого бока ни посмотри – виновата я. Глубоко в душе я, конечно, волновалась, что Нил прав: мне чего-то не хватало, из-за меня произошло то, что произошло, что бы это ни было. Мы ушли из кабинета психолога и никогда больше к нему не возвращались.

В тот самый день, когда она убила Луси, я стояла и смотрела на свою пятилетнюю дочь сквозь открытую дверь в ее комнату и последняя надежда на то, что я ошибалась, что Ханна выправится, что где-то внутри она нормальный, здоровый ребенок, испарилась. Я прошла через комнату и взяла ее за руку. «Пойдем со мной», – сказала я и повела в мою спальню. Ни протеста, ни особой заинтересованности с ее стороны – это только усилило мой гнев. Я подтащила Ханну к кровати; она стояла рядом, смотрела на голову Луси на

подушке и я увидела – клянусь, увидела – выражение удовольствия, промелькнувшее в ее глазах. Когда Ханна повернулась ко мне, взгляд ее был совершенно невинен.

– Мамочка? – сказала она.

– Это ты. – Мой голос дрожал от гнева. – Мне все известно. – Я любила мою птичку. Она перешла ко мне от одной пожилой соседки, с которой мы были когда-то дружны; все эти годы без ребенка в доме мое внимание было сосредоточено на Луси – милом, незащищенном, крошечном существе, нуждавшемся в заботе и во мне. Ханна знала, насколько сильно я любила Луси. Да, знала.

– Нет, – ответила она и наклонила голову набок, продолжая изучать меня. – Нет, мамочка. Это была не я.

Я оставила ее около кровати, а сама бегом спустилась в кухню. Там стояла клетка Луси – дверка распахнута, окоченевшее обезглавленное тельце лежит на полу рядом с клеткой. Скользя взглядом, я быстро осмотрела все вокруг. Как она это сделала? Чем? Разумеется, у нее не было доступа к кухонным ножам. Пронзенная внезапной догадкой, я побежала обратно наверх в ее комнату. И вот она – металлическая линейка из ящика для инструментов Дага, лежавшая на столе. Днем раньше я слышала, как Ханна просила Дага дать ей линейку «для дела», как она объяснила. И теперь линейка валялась рядом с ее поделками, я смотрела на нее, пока тошнота не подступила к горлу.

Я не слышала, как Ханна последовала за мной из кухни

наверх, тихо вошла в комнату и очутилась рядом.

– Мамочка? – позвала она.

Душа ушла в пятки.

– В чем дело?

Она посмотрела на мой живот.

– Все в порядке?

Ее манера говорить – чарующим мелодичным голосом, немного пришептывая, – была восхитительна, все это отмечали. Я преодолела отвращение и спросила:

– Что? Что в порядке?

Она изучающе посмотрела на меня.

– Ребенок, мамочка. Малыш в твоём животике. Он в порядке? Или тоже умер?

В защитном жесте я прижала руку к животу, словно обороняясь от удара Ханны. Она сверлила меня взглядом.

– С чего ты взяла, что ребенок мертв? – прошептала я. – Почему ты так говоришь? Не может быть, чтобы Ханна знала о самом большом из моих страхов – что ребенок, наше второе чудо, не выживет, появится на свет мертвым. Эти навязчивые мысли были следствием наших непростых с ней отношений, я думаю. Я почти чувствовала, что заслуживаю все это, ведь я такого наворотила с Ханной. В наказание у меня заберут мое нерожденное дитя.

Когда я посмотрела в ее глаза, по моей спине пробежал

холодок.

– Стой здесь, – сказала я. – Не уходи, пока я не разрешу.

Этим же вечером я рассказала обо всем Дагу.

– Что мы будем делать? – спросила я. – Что, черт возьми, мы будем делать?

– Мы не знаем наверняка, что это была Ханна, – вяло отреагировал он.

– Тогда кто, черт побери?

– Возможно... Боже, я не знаю! Возможно, лиса или кто-то из слоняющихся соседских детей.

– Не будь дураком!

– У нас в саду все время шныряют лисы, – сказал он. – Ты уверена, что черный ход был закрыт?

– Ну... нет. Она была открыта, но...

– Мы должны были раньше предупредить Ханну, чтобы она не оставляла клетку незапертой, – добавил он.

Правда, Ханна любила кормить Луси, хотя знала, что ей не разрешалось открывать клетку без меня, может быть, она вертела щеколдой туда-сюда.

– Хорошо, а как насчет того, что она сказала о ребенке? – спросила я.

Даг устало потер лицо.

– Ей пять лет, Бет. Она пока не понимает, что такое смерть, так ведь? Вероятно, ей страшно из-за ее нового бра-

тика или сестренки.

Я посмотрела на него в упор.

– Не могу поверить... как ты можешь так говорить! Я знаю, что это Ханна. Да у нее на лице все было написано!

– А ты-то где была? – Он повысил голос. – Где, черт возьми, ты была в это время? Почему не следила за ней?

– Не смей меня обвинять! – прокричала я. – Не смей!

Обеспокоенные, утомленные, мы продолжили спорить, извистись, ершиться, нападать друг на друга.

– Мамочка? Папочка? – Ханна возникла в дверном проеме, сонная и такая очаровательная в своей розовой пижаме. В руке она держала мишку. – Почему вы кричите?

Даг встал со стула.

– Привет, малышка! – Он зазвучал неожиданно весело. – Как поживает моя принцесса? Обнимешь папочку?

Она кивнула и, осторожно подойдя ближе, грустно и тихо спросила:

– Это из-за Луси?

Мы с Дагом переглянулись. Он поднял ее на руки.

– Ты знаешь, как это случилось?

Она помотала головой.

– Мамочка думает на меня, но я этого не делала! Мамочка любит свою птичку, и я тоже.

Из ее глаз хлынули слезы.

– Я бы никогда в жизни не навредила Лулу.

Даг крепко ее обнял.

– Я знаю, что ты бы этого не сделала, конечно, нет. Это всего лишь чья-то злая шутка, вот и все. А может, лиса озорничала. Ну же, солнышко, перестань плакать, пожалуйста. Пойдем обратно в твою кроватку.

Я знаю, что он сам себя обманывал, он был слишком напуган, чтобы признать правду, но мне никогда еще не было так одиноко, так скверно, как в тот момент. Когда они уходили из кухни, я подняла глаза и поймала невозмутимый взгляд Ханны, взиравшей на меня через плечо ее отца. Мы неотрывно смотрели друг на друга, пока они не повернули за угол и не скрылись из виду.

Лондон, 2017

Когда Клара сняла трубку домофона, она услышала потрескивающий голос Мака, он раздавался словно из другого мира – обычного, невинного места, в котором сердце не перестает биться и кровь не стынет в жилах после получения электронных писем.

– Господи, – сказал он, когда она его впустила, – ты выглядишь ужасно. Я пошел к тебе на работу, но мне сказали, что после обеда ты не возвращалась, так что... – Он замолчал. – Клара, ты в порядке?

Клара, ничего на это не ответив, подвела его к компьютеру и ткнула в экран.

– Читай, – сказала она.

Мак послушно сел. Пока он читал, Клара наблюдала за ним: голова наклонена, густые черные волосы торчат во все стороны, стройный высокий мужчина, скрючившийся в маленьком офисном кресле в таком неудобном положении, что кажется, сейчас распрямится и выпрыгнет из него, как чертик из табакерки. Она была рада его видеть, сковавший ее страх стал понемногу ослабевать.

Мак, самый близкий друг Люка еще со школьной скамьи, проводил в их квартире почти столько же времени, как и они сами. Он был частью той жизни, которую Клара знала всего сутки назад: ночи в клубе «The Reliance», вечера дома с пивом и коллекцией дисков, долгие похмельные обеды по субботам в «The Owl» или «Pussycat», только им понятные шутки и истории, легкие, комфортные отношения людей, связанных давней дружбой; Мак поддерживал их, был свидетелем счастливой нормальной жизни – до того, как все стало ненормальным, настолько далеким от того, чтобы быть нормальным.

– Вот дерьмо, – сказал он, закончив читать.

– Ты знал о сообщениях? – спросила она.

Мак смущенно посмотрел на нее:

– Ну да, Люк говорил мне, что получает странные письма, но я понятия не имел, что их так много и они настолько ужасны.

В отчаянии Клара повысила голос:

– Почему, черт возьми, он мне не сказал? Поверить не могу, что он скрыл их от меня. Сплошная мерзость, а от некоторых просто тошнит.

– Да уж, – сказал Мак. – Он... гм, не хотел тебя волновать...

– Ради всего святого!

– Знаю, знаю. Думаю, ему было не по себе от того, что их

писала женщина.

– Издеваешься? Эта психопатка залезла в мою квартиру, угрожала моему парню. Что он затеял, когда решил мне ничего не рассказывать? – Она внимательно посмотрела на Мака. – Ему известно, кто она?

Мак замотал головой в ответ:

– Нет. Честно, не думаю, что у Люка были хоть какие-то догадки.

Она повернулась к экрану компьютера и прочла вслух последнее сообщение: «Иду за тобой».

– В смысле... что за хрень?

Она поискала глазами телефон.

– Я собираюсь звонить в полицию.

Мак поднялся.

– Я абсолютно уверен, что они не будут ничего делать, если человек отсутствует меньше двадцати четырех часов. Послушай, Клара, эти письма... писала какая-то извращенка, возможно, бывшая подружка, решившая запугать Люка, но я сомневаюсь, что они связаны с его исчезновением прошлой ночью.

– Тогда где его носит, черт возьми?

Он пожал плечами.

– Вероятнее всего – решил немного проветрить голову.

– Проветрить голову? С какой стати ему могло это понадобиться?

Мак не ответил, отвел глаза в сторону и сказал:

– Я обзвонил всех его друзей, но думаю, он может быть у родителей. Ты с ними связывалась?

Вопрос привел Клару в замешательство.

– Еще нет.

– Может, стоит попробовать? Это то, что в первую очередь сделала бы полиция.

Мак был прав. Даже странно, что такая очевидная мысль – дом мамы и папы Люка в Саффолке – не пришла ей в голову ранее. Она не знала никого, кто был бы так привязан к родителям, как Люк. Возможно, он был настолько напуган, что решил уехать из Лондона на несколько дней. Но если это так, почему он ей ничего не сказал?

Она в замешательстве посмотрела на телефон.

– А если его там нет? Ты же их знаешь – они с ума сойдут.

– Эй, а ты права...

Они уставились друг на друга, думая об одном и том же: Эмили.

Люк никогда не говорил о своей старшей сестре, Кларе были известны лишь сухие факты: в восемнадцать лет Эмили покинула отчий дом, и больше о ней не слышали. На тот момент Люку было десять, его брату Тому – пятнадцать. Люк рассказал ей об этом однажды поздно вечером в его старой коммунальной квартире в районе Пэкхем, расположенной в полуразрушенном викторианском таунхаусе в переулке рядом с Куинс-роуд, через несколько месяцев после того, как

он и Клара стали встречаться; они валялись там в кровати ночи напролет, слушая музыку и голоса из баров и ресторанов, теснившихся под железнодорожными арками вдоль улицы, а над ними по эстакаде с грохотом проносились поезда.

– Ни малейшего представления, что с ней случилось? – спросила Клара, сраженная его историей.

Люк пожал плечами, а когда заговорил, в его голосе звучала горечь, которую она до сих пор не замечала.

– Нет, ни единой мысли ни у кого из нас. Просто однажды ушла. Оставила записку, в которой сообщила, что покидает дом, после этого никаких вестей от нее не было. Это полностью разрушило мою семью; родители так и не смогли оправиться. У мамы случился нервный срыв, после чего мы решили, что будет лучше никогда больше не упоминать имя Эмили. Мы убрали ее фотографии и перестали о ней говорить.

Клара в ужасе села на кровати.

– Так страшно! Тебе было всего десять, наверное, очень хотелось поговорить о ней... должно быть, это невероятно опустошило и тебя, и брата.

Он перестал водить рукой по ее ноге.

– Думаю, мы поняли, что не стоило этого делать.

– Но... разве не ... я хочу сказать, полицию разве не привлекли к расследованию?

Он понурил голову.

– Она ушла сама по доброй воле. И мне кажется, это осо-

бенно ранило моих маму и папу – в записке говорилось, что она уходит, но не объяснялось, куда и почему. Отец говорил мне, что нанял тогда частного детектива, чтобы попытаться разыскать ее, но безрезультатно. – Он пожал плечами. – Она словно испарилась.

В этот момент Клара поняла про Люка то, что до сих пор оставалось загадкой. Нет-нет, да мелькала за его смехом и шутками, его потребностью быть живительной силой и душой любой вечеринки едва уловимая печаль, которую Клара до сегодняшнего дня не могла распознать.

– Какая она была? – тихо спросила Клара.

Он улыбнулся.

– Классная. Забавная, милая, но немного неистовая, что ли... Тогда я был десятилетним мальчиком, и сейчас не могу быть объективным, но мне кажется, такие люди редко встречаются. Ее страстно увлекали многие вещи, все эти собрания и марши за спасение китов, права женщин... да что угодно. Сводила с ума родителей, не могла спокойно усидеть на месте, просто выполняя школьные домашние задания. Я был ребенком, но ее принципиальность, уверенность в том, что правильно, а что – нет, даже в то время вызывали у меня восхищение. Свободный духом человек, понимаешь? – Он вздохнул и почесал лицо. – Может, у нас дома ее слишком ограничивали, а ей хотелось свободы? Кто знает? По-видимому, поэтому она и ушла.

– Мне так жаль, – мягко сказала Клара. – Не могу пред-

ставить, каким ударом это стало для всех вас.

Он встал, прошел по комнате, достал с полки книгу и протянул ей. Тоненький том с детскими стихами: Т. С. Элиот, «Практическое котоведение».

– Она отдала ее за несколько месяцев до своего исчезновения, – сказал Люк. – Читала мне, когда я был маленьким. Это было... – Он прервался. – Так или иначе... это все, что у меня от нее осталось.

С благоговением Клара открыла книгу и прочла вслух надпись на чистом листе в начале: *«Шаромыге от Развальяхи¹. Люблю тебя, мелкий. Целую, твоя Э.»*

– Шаромыга? – удивилась Клара, и он улыбнулся в ответ.

– Это имена котов в одном из стихотворений, ее любимом.

Он немного помолчал, прежде чем сказать: «В любом случае, все в прошлом», – взял книгу из рук Клары, притянул ее к себе и вновь начал осыпать поцелуями, лишь бы – как ей показалось – она перестала задавать вопросы. Когда бы впоследствии Клара не пробовала говорить об Эмили, Люк только пожимал плечами и менял тему разговора, пока она, наконец, не сдалась, хотя мыслями часто к ней возвращалась – пропавшей сестре ее парня, однажды ушедшей из дома, о которой больше не было слышно.

С внезапной решительностью Клара сказала Маку:

¹ Имена котов из книги Т. С. Элиота «Практическое котоведение» / Пер. с англ. и коммент. С. Г. Дубовицкой – СПб.; М.: Летний сад, 2000.

– Я еду туда.

Он удивленно вздернул брови:

– В Саффолк? Сколько это занимает времени?

Она озиралась в поисках ключей и сумки.

– Час-полтора, не больше. По крайней мере, я буду что-то делать. Не могу просто сидеть здесь и ждать, мне кажется, я схожу с ума. Думаю, ты прав – я найду его там. Он так близок с отцом и матерью. И если он уехал, испугавшись писем, пусть сам скажет мне об этом, глядя в глаза.

– О'кей, – протянул Мак. – А если его там нет?

Она посмотрела на него.

Мак кивнул и похлопал по сумке с ноутбуком.

– Конечно, у меня полно фотографий, которые нужно отредактировать – мне все равно, где работать.

Она помедлила.

– А ты не обзвонишь госпитали?

– Клара, я не думаю, что...

– Тогда я позвоню в полицию – еще одна причина, почему сначала я хочу предупредить Роуз и Оливера. Ты останешься здесь на случай, если он все-таки вернется? Пожалуйста, Мак!

Он обезоруживающе развел руками.

– О'кей, сделаю.

Клара села в машину и сразу же позвонила в офис, переключив телефон на громкую связь, прежде чем отправиться

на другой конец города в сторону трассы М11. Она немного не доехала до Северной окружной дороги, а ее редактор уже согласился, хотя и неохотно, предоставить ей еще один выходной ввиду «личных обстоятельств». После этого она связалась с Лорен, которая подтвердила, что от Люка весь день не было новостей. В конце разговора Клара попросила соединить ее со службой безопасности и поговорила с Джорджем, охранником, дежурившим в прошлую ночь. Тот рассказал ей, что Люк покинул здание через служебный выход около 7.30 вечера, они перекинулись парой слов о футболе, ничего необычного Джордж не заметил.

– Ты же знаешь Люка, – хмыкнул он, – всегда с улыбкой на лице.

Проезжая по лондонским улицам, она думала о родителях Люка. Клара помнила, как сильно волновалась в тот день, когда Люк впервые привез ее в «Ивы», дом его детства в Саффолке. Роуз и Оливер произвели большое впечатление на Клару – преисполненные жизненной силой, они так мало походили на ее собственных маму и папу.

Это было утром в конце мая. Они подъехали к одиноко стоящему дому, застывшему перед суровой красотой Саффолка: равнинные поля, казалось, тянулись бесконечно, а безбрежное небо над ними было синим и безоблачным. Они обошли дом и Люк провел ее в сад с длинными извивающи-

мися дорожками; по краям были высажены кусты, поражавшие воображение многообразием красок, посередине росла белая сирень, ее ветки сгибались под тяжестью цветов, а в воздухе чувствовался сладковато-пудровый аромат.

– Ух ты, – прошептала она, и Люк улыбнулся.

– Гордость и радость моей мамы. Ты бы видела вечеринки, которые она устраивает здесь каждым летом – собираются все деревенские жители, просто какое-то безумие!

Роуз стояла на коленях перед клумбой в дальнем краю сада с секатором в руке. Она поднялась, услышав их голоса, и у Клары скрутило живот от страха. Что подумает о ней эта культурная, образованная женщина, в прошлом хирург? Понравится ли ей Клара, сочтет ли она ее достойной своего сына?

Но Роуз улыбнулась, пошла им навстречу и в тот самый момент Клара поняла, что все будет хорошо. Эта стройная, симпатичная, моложавая женщина в летнем розовом платье абсолютно не выглядела устрашающе. Наоборот, Клара была сражена обаянием Роуз, тем, как сверкали ее глаза, когда она улыбалась, той искренней теплотой, с которой Роуз обняла Клару. Энтузиазм, звучащий в ее голосе, был заразителен. В тот день Роуз провела Клару на кухню и, похлопав по руке, сказала: «Давай выпьем чего-нибудь, и ты мне все о себе расскажешь... я так рада тебя видеть».

Оливер, отец Люка, вынырнул откуда-то из глубин дома, – высокий мужчина крупного телосложения, широкоплечий бородач, похожий как две капли воды на своего сына; их роднило и великолепное чувство юмора, и доброжелательный взгляд практически одинаковых карих глаз. Оливер преподавал в университете, написал несколько книг по истории искусства. Немного застенчивый, он был деликатнее и сдержаннее своей жены, и Клара сразу же прониклась к нему симпатией.

В тот день она полюбила все, что было связано с Лоусонами: красивый, беспорядочно спланированный дом, спокойную привязанность, которую они демонстрировали, даже их манеру спорить и шутить, добродушно высмеивая недостатки друг друга – неряшливость Оливера и его склонность к ипохондрии, перфекционизм любившей покомандовать Розуз или неспособность Люка хоть в чем-то уступить и при этом не дуться. Для Клары, выросшей в доме, где даже малейший намек на неуважение к окружающим мог привести к неделям обиженного молчания, такое положение дел стало откровением. В тот первый визит в «Ивы» у Клары возникло странное чувство дежавю, как будто она вернулась после долгого отсутствия в знакомое место, предначертанное ей судьбой.

В первое время Клара тайком выискивала хоть что-ни-

будь, что указывало бы на пропавшую сестру, но ничего не находила. Эмили не было ни на одной из фотографий, стоявших в гостиной, на стенах в кухне висели, любовно размещенные, лишь старые дошкольные рисунки Тома и Люка, подписанные детским неровным почерком. В рассказах Люка Эмили представляла сильной и яркой личностью – теперь даже в ее комнате на чердаке ничего о ней не напоминало. Чем старательнее семья пыталась уничтожить память об Эмили, тем ошутимей было ее присутствие – так тогда показалось Кларе. Она все размышляла о том, что случилось с сестрой Люка; как кому-то могло прийти в голову оставить любящую семью так внезапно и потом будто раствориться в воздухе. Этот вопрос занимал ее, ведь несмотря на искреннее радушие Лоусонов, уют и комфорт их великолепного дома, она чувствовала тоску, прячущуюся по темным углам комнат.

За последующие три года Клара только однажды услышала, как упоминали имя Эмили. Это случилось на дне рождения Роуз, в «Ивах» было полно гостей: приехали друзья из соседней деревни, бывшие коллеги Роуз из госпиталя, друзья – писатели и знакомые издатели Оливера, и, похоже, все студенты с факультета, где он преподавал, в полном составе. Пьяный вдрызг Оливер рассказывал Кларе шутку о недавней исследовательской поездке, как вдруг внезапно остановился на полуслове, растерянно уставившись в бокал с выпивкой.

– Оливер, все в порядке? – спросила удивленная Клара.

Он ответил совершенно чужим, хриплым голосом:

– Знаешь, она была для нас целым миром, наша маленькая девочка, мы любили ее до беспамятства.

К ужасу Клары его глаза наполнились слезами, когда он сказал:

– Моя дорогая Эмили, мне жаль, мне очень жаль.

Застыв, Клара с удивлением смотрела на Оливера, пока не подошел Том, брат Люка, и деликатно не увел его, приговаривая: «Давай, пап, пора в кровать, вот так, пошли».

Клара выбралась наконец из Лондона и поехала по трассе M11. Примерно через час она достигнет Саффолка. Но будет ли там Люк? Она крепче сжала руль и нажала на педаль газа. Конечно, он там – как же иначе? Невольно в памяти всплыли прочитанные сообщения: «Скоро, Люк, скоро состоятся твои похороны», – и животный страх вновь обуял ее.

Клара добралась до «Ив» на закате. Она вышла из машины, посмотрела вверх – галки с криком кружили над окрестными полями в сумеречном небе. Волшебный момент безмятежности перед наступлением ночи. Перед ней был сельский дом восемнадцатого века, ползучие клематис и дикий шелк цеплялись за стены из красного кирпича, старая плакучая ива дрожала на ветру. По обе стороны от низ-

кой и немного искривленной широкой двери из дуба – окна из толстого стекла, сквозь которые видно элегантное убранство. Дом из сказки, одиноко стоящий на фоне бесконечно-чистого неба. И вот Клара у двери, делает глубокий вдох прежде, чем постучать: «Пожалуйста, Люк, только будь там, пожалуйста, пожалуйста, будь».

Она услышала, как за дверью старый спаниель Клементина привычно скребет лапами, затем щелкнула щеколда. Дверь открыл Оливер. Он осторожно вглядывался в темноту, не сразу узнав Клару, ни с того ни с сего нагрянувшую к ним в дом, где они жили уединенно, вдалеке от всех. В конце концов, его лицо разгладилось. «Господи, Клара!» Он обернулся и позвал жену: «Роуз, это Клара! Ох, да успокойся же, Клеми! Проходи, проходи, что за приятный сюрприз. Скажи на милость, что ты здесь делаешь?»

Увидев позади Оливера уютную комнату, мягкий свет, Клара ощутила знакомое притяжение дома. Клара уловила запах еды и представила, как Роуз готовит ужин и слушает BBC Радио 4 – сцена из домашней жизни с гостеприимными и радушными хозяевами – это так отличалось от чопорного таунхауса в Пендже, где она выросла. Но прежде чем Клара успела ответить, за спиной Оливера выросла Роуз. «Мать честная... привет, милая! А где Люк?» Роуз, довольная, с выжидающим видом посмотрела мимо Клары в сторону ма-

шины.

У Клары сжалось сердце. Черт!

– Вообще-то мы не вместе, – призналась она.

Оливер нахмурился.

– О... – протянул он, но тут же учтиво добавил: – Ну что ж, как бы там ни было, мы рады тебя видеть! Проходи, проходи!

Продолжавшая улыбаться Роуз спросила:

– Почему не вместе?

– Так вы от него ничего не слышали?

– Нет, с выходных ничего.

Не дав Кларе говорить в дверях, Оливер проводил ее на кухню.

– Проходи, проходи и садись!

Пока Роуз суежилась, подогревала чайник, а Оливер рассказывал о материалах, которые он собирал для своей новой книги, Клара наклонилась и погладила Клеми, размышляя, с чего бы начать.

Наконец Роуз поставила чашки и чай на стол перед Кларой и, присаживаясь, мягко спросила:

– Ну, дорогая... и где же носит нашего сына?

Клара собралась с духом.

– Никто не видел Люка со вчерашнего вечера, примерно с семи тридцати, – начала она. – Он отправил мне электрон-

ное сообщение, написал, что собирается прийти домой, но так и не появился; телефона у него при себе нет. У Люка на сегодня было назначено важное собеседование, и большое совещание в офисе... но никто о нем ничего не слышал. — Она перевела взгляд с одного на другого. — Это так на него не похоже, я очень волнуюсь. Думала найти его здесь, но ...

Оливер выглядел растерянным.

— Ну, вероятно, пошел к друзьям... или...

Клара кивнула.

— Дело в том... возможно, и ерунда, конечно... но в последнее время он стал получать странные письма, и произошло еще кое-что. Нашу квартиру взломали; подозрительные телефонные звонки, и... фотографии. Мы не хотели вас беспокоить, так что...

— Звонки? Фотографии? Какого рода? — спросила Роуз в замешательстве.

— Кто-то следил за Люком и фотографировал его с целью запугать, я думаю.

Даже сквозь аккуратно наложенную косметику было видно, как побледнела Роуз.

— О чем говорилось в сообщениях?

— Они были неприятными, — призналась Клара, — достаточно устрашающими. В них говорилось о его похоронах и о том, что за ним придут.

— О боже, боже мой! — Роуз прижала ко рту трясущуюся

руку.

– Я не... – начала было Клара, но остановилась, заслышав скрип половиц сверху, а затем шаги на лестнице. Она недоуменно посмотрела на Оливера и Роуз. Настало секундное замешательство, Клару бросило в дрожь при мысли о том, что это мог быть Люк. Мелькнула тревожная догадка, что ее обманули, и Люк все время находился в доме. Но уже в следующее мгновение она узнала мужчину, входившего на кухню, – это был Том, старший брат Люка.

Они беспомощно глазели друг на друга, пока Том не вымолвил:

– Клара! А где Люк?

Клара наблюдала за Томом в то время, как его отец объяснял причину ее визита. Она до конца так и не разобралась в старшем брате Люка. Возможно, потому, что отстраненность Тома контрастировала с приветливостью остальных Лоусонов; долгое время ей казалось, что Том соблюдал дистанцию в отношениях с членами семьи, а его равнодушие граничило с презрением. Хотя Том всегда был вежлив при их редких встречах, Кларе так и не удалось пробить стену его сдержанности.

В сущности, странно было видеть Тома в «Ивах». Несмотря на то что Том жил относительно недалеко – в Норидже – он не был так близок с Оливер и Роуз, как Люк, навещая их куда как реже своего младшего брата. В отличие от Люка

Том внешне больше походил на мать, чем на отца, унаследовав ее высокие скулы и голубые, почти бирюзового цвета глаза, но, по всей вероятности, – ни капельки ее природной душевности. Люк как-то поделился с Кларой, что Том около года назад порвал со своей девушкой, с которой встречался долгое время, но по какой причине – Люк не знал. «В этом весь Том, – сказал он. – Чертова закрытая книга, когда речь заходит о таких вещах».

– Он, наверное, напился где-нибудь, – сказал Том со снисходительностью старшего брата, которая так злила Люка.

Клара подавила в себе вспышку раздражения, сумев вежливо ответить:

– Надеюсь, это так.

– А что насчет сталкера? – испуганно спросила Роуз.

Том пожал плечами, подошел к большому родительскому винному шкафу и выбрал себе бутылочку.

– Может, одна из его бывших, съехавшая с катушек, – сказал он, доставая бокал. – Том посмотрел на Клару и, заметив ее досаду, немного смутился и добавил более доброжелательным, даже покровительственным тоном: – Уверен, он скоро объявится. Я бы не волновался.

В этот момент Роуз схватила своего мужа за руку.

– Оли, где он? Где он?

– Том прав – он объявится, – тихо проговорил Оливер и, утешая Роуз, положил свою руку поверх ее. Хотя его голос звучал успокаивающе, в глазах читалась тревога.

Клара поднялась.

– Извините, что расстроила вас всех, – несчастно пробормотала она.

– Что ты сейчас будешь делать? – спросил Том.

– Позвоню в полицию, как только попаду домой, если он, конечно, еще не вернулся. К тому времени он будет отсутствовать больше двадцати четырех часов, так что надеюсь, они отнесутся к этому серьезно. – Она обвела кухню глазами в поисках сумочки.

– Вообще-то это миф, знаешь? – отреагировал Том.

Клара растерянно моргнула.

– То есть?

– По поводу двадцати четырех часов. Ты можешь заявить о пропаже человека в любое время по своему усмотрению – полиция и в этом случае обязана отнестись серьезно.

Клара взяла сумочку, игнорируя его «я все знаю» тон.

– Ну, как бы то ни было, мне пора, – сказала она. – Мак у нас дома, обзванивает больницы. На всякий случай, – добавила Клара, видя беспокойное выражение лица Роуз.

– О боже, о господи, я не ... – взволнованная Роуз встала.

– Он объявится. – Клара вложила в свои слова больше уверенности, чем она в действительности ощущала. – Том прав, ночка, наверное, выпала не из легких, и он сейчас где-нибудь отсыпается. Позвоню в полицию просто, чтобы убедиться.

Роуз кивнула с несчастным выражением лица.

– Позвони мне после разговора с ними.

Роуз и Оливер выглядели такими испуганными, что Клара пожалела о своем приезде. Впервые за все время с момента знакомства, отличавшие их энергия и жизненная сила, казалось, улетучивались; и хотя им было всего немногим за шестьдесят, смущенная Клара на мгновение отчетливо представила, какими слабыми стариками станут когда-нибудь Роуз и Оливер.

– Конечно, – кивнула она решительно. – Сразу же.

Клара быстро обняла Роуз, чмокнула Оливера и затем помахала рукой Тому.

– До скорого! Мне жаль, но будет лучше, если я поеду обратно прямо сейчас.

Как только Клара села в машину, она позвонила Маку.

– Что нового? – спросила она.

– Ничего. В больницы не поступал никто, кто подходил бы под его описание – из тех, по крайней мере, кого они не смогли пока опознать. – Он помолчал. – Я так понимаю, отец и мать ничего о нем не слышали?

– Нет, – сказала он спокойно.

– Вот дерьмо, – повисла тишина. – Как они восприняли?

– Так себе. Роуз очень подавлена.

– Твою мать, когда увижу – убью подонка.

Она слабо рассмеялась.

– Господи, Мак, где он, черт возьми?

Мак какое-то время не отвечал, а потом сказал абсолютно

НЕ СВОИМ ГОЛОСОМ:

– Я не знаю, Клара. Правда, не знаю.

Кембриджшир, 1987

Наш сын Тоби, наше счастье, родился за несколько недель до шестилетия Ханны. Я наслаждалась материнством: то, как его глазки следили за мной по всей комнате, как он тянул ко мне руки, лишь стоило мне приблизиться – походило на телепатическую связь. Мы были словно один человек; казалось, он сливался со мной в единое целое, когда я держала его, а он крепко прижимался, уткнувшись носом в мою шею, и я ощущала всем телом тепло его кожи. Я понимала, что наконец нужна и любима, как всегда об этом мечтала. Всё просто – мы боготворили друг друга; и да... думаю это заставляло Ханну чувствовать себя отодвинутой на второй план.

Я прилагала все усилия, чтобы Ханна ощущала себя частью семьи; следовала советам из книг о соперничестве между братьями и сестрами, какие только могла найти, старалась изо всех сил показать ей, что она любима не меньше брата. Но это почти всегда оборачивалось против меня.

– Пусть этот день будет нашим, только Ханна и мамочка, – сказала я ей однажды утром после завтрака. – Чего бы тебе

хотелось? – бодро спросила я. – Все, что скажешь.

Она злобно посмотрела на меня, продолжая уплетать сухой завтрак Нестле, но ничего не ответила.

– Бассейн? Кино?

Молчание в ответ.

– Пройдемся по магазинам, посмотрим новую игрушку?

Она пожала плечами.

– Ну что ж, тогда решено – идем по магазинам.

Мы поехали в ближайший городок, где в центре находилась большой магазин игрушек.

– Можем сначала выпить чай с пирожными, – предложила я. – Правда, здорово? Только мы, девочки... Ты уже такая большая, давай выберем тебе милое платье? – Но она лишь глазела в окно, пока я продолжала лепетать.

Это был один из чудесных старомодных магазинов, где продавались сделанные со вкусом дорогие игрушки ручной работы, ориентированный на родителей, не переносящих пластмассу. Обычно я не хожу в подобные места, но мне очень хотелось купить Ханне что-нибудь особенное и оригинальное. Мы шли между рядами, я обращала ее внимание на бесконечные полки с куклами, играми и мягкими игрушками, но она едва замечала их, лишь смотрела на меня с нескрываемой скукой. Я начала терять терпение.

– Ну же, милая, выбирай все, что хочешь!

И в этот момент я заметила в конце магазина знакомого из моей деревни. Я совершенно остолбенела, мое сердце заколотилось от неожиданности и мне стало не по себе. Я вжала голову в плечи и быстро отвернулась, поспешно двигаясь в другом направлении. Я была не в состоянии отвечать на всевозможные вопросы, которые неизбежно коснулись бы подробностей причины нашего с Дагом внезапного отъезда несколько лет тому назад.

Прячась за полками с плюшевыми медведями я осматривалась в поисках Ханны, и моя душа ушла в пятки, когда я осознала, что ее там не было.

– Ханна, – тихо позвала я, – ты где?

Когда наконец мой бывший сосед ушел, я вздохнула с облегчением. И тут же откуда-то из-за угла вынырнула Ханна.

– Я хочу домой, – сказала она.

Я чувствовала себя как выжатый лимон, сил спорить не было.

– Хорошо. Пусть будет по-твоему.

На выходе чья-то рука легла на мое плечо. Я обернулась и увидела женщину средних лет, глядевшую на меня с явным отвращением.

– Вам надо будет за это заплатить, – процедила она сквозь зубы.

Только потом я заметила ее бейджик с надписью «менеджер».

– Извините? – спросила я.

Женщина разжала кулак, на ладони лежало что-то, напоминавшее деревянные палочки.

– Я видела, как она это сделала, – сказала женщина, кивая в сторону Ханны. – Вам нужно заплатить. Пожалуйста, пройдемте со мной.

Я сообразила, что она держала красивый набор деревянных куколок ручной работы из очень дорогого кукольного домика, на который я обратила внимание Ханны сразу же, как мы вошли. У всех до единой куколок были вырваны головы, ноги и руки. Я посмотрела на Ханну, глядевшую на меня самым невинным образом.

Домой мы возвращались в полной тишине. Едва открыв входную дверь, я бросилась к Тоби, выхватила его из рук Дага, зарылась лицом в его теплую шейку, ища утешения, поспешила в свою комнату и с шумом захлопнула дверь.

С самого начала мы с Дагом по-разному реагировали на поведение Ханны. Небольшой шрам в уголке глаза у меня еще не зажил, а вид опустевшей клетки Луси, припрятанной в нашем гараже, напоминал мне, на что она способна. Тоби был на редкость прилипчивым ребенком, не любившим, когда его опускают с рук на пол; иногда я поднимала глаза и замечала Ханну, следившую за нами так, что мне становилось не по себе и по телу пробегала дрожь.

Да, пожалуй, я немного перегибала палку, защищая моего мальчика, с подозрением и опаской косясь на дочь всякий раз, как она к нему приближалась. Кормление грудью служило мне оправданием, чтобы быть с ним всегда рядом, но вскоре Даг стал упрекать меня за то, что я «монополизировала» нашего ребенка.

– Ты превратила его в нытика, – говорил Даг, когда он пытался взять Тоби на руки, а тот с плачем тянулся ко мне. Выглядело так, что я, как он думал, специально отдаляла от него ребенка, но это просто было неправдой.

Общаясь с Ханной, Даг старался уделять ей как можно больше внимания, независимо от того, что она делала, как будто одна лишь сила его любви могла направить ее на верный путь. Так, если он возвращался домой с работы и видел Ханну, стоявшей в наказание в углу, он – к моему величайшему неудовольствию – сгребал ее в охапку, давал печенье, забирал с собой в гостиную, где они вместе смотрели по телевизору ее любимые мультфильмы, в то время как я играла с Тоби в другой комнате. Постепенно наша семья начала распадаться на две половинки, с одной стороны – я и Тоби, с другой – Ханна и Даг. Действительно, Ханна вела себя намного лучше, когда находилась со своим отцом, но я чувствовала, что она наслаждалась растущими между мной и Дагом противоречиями. Я видела проблески удовольствия в ее глазах в моменты наших споров, она выглядела счастли-

вой, если мы поглощали еду в оглушительной тишине.

За несколько месяцев до семилетия Ханна мы вновь были вызваны в школу на разговор о ее поведении. Утром мы повздорили, и мы ехали туда сохраняя практически полное молчание, Тоби спал позади в своем кресле, Даг мрачно уставился вперед на дорогу. По дороге я размышляла о Ханне. Стала ли я причиной этого, чем бы «это» ни было? Могла ли боль, которую я испытывала годами из-за отсутствия ребенка, повлиять на связь с моим первенцем? Тогда я чувствовала себя сломленной, совершенно одинокой, никто – даже Даг – меня по-настоящему не понимал. Возможно, в состоянии горя и изоляции я воздвигла защитную стену между собой и остальным миром, что ожесточило мое сердце, неспособное целиком и полностью полюбить и принять дочь, когда она наконец появилась? Это то, что она чувствовала и против чего протестовала? Я смотрела в окно, еле сдерживая слезы; и вот мы подъехали ко входу в начальную школу Вест-Эльмс.

В школе изо всех сил старались проявлять понимание, молодая учительница Ханна настоятельно предлагала способы и практические меры, которые помогли бы нам справиться с нашей трудной дочерью, малолетней правонарушительницей, давала почитать брошюры и рекомендовала психологические консультации, пока тихо не намекнула, что Ханну мо-

гут попросить покинуть школу, поскольку они заботятся об интересах и других учеников.

– У нее есть хоть один друг? – жалким голосом спросила я. Мисс Фокстон вздохнула.

– Она приближает к себе детей определенного типа, выбирая среди них особо ранимых и поддающихся чужому влиянию. Ханна, если захочет, может быть весьма убедительной. Обычно она разрешает такому ребенку стать ее временным союзником, а потом, когда ей это наскучит, полностью отворачивается от него. Эту модель поведения мы наблюдали неоднократно, – мисс Фокстон перевела взгляд на карандаш, который вертела в руках. – Дейзи Уильямс – лишь один из примеров, безусловно. Но нет, я никогда не видела, чтобы она подружилась с кем-нибудь по-настоящему.

Я кивнула, вспомнив о Дейзи. Застенчивая, страстно желающая угодить, она была очень бледным, худощавым ребенком с белоснежными волосами и красными веками, немного похожая на кролика с ободранной шкуркой. Ханна обратила на нее внимание в прошлом учебном году, несколько недель пользовалась восхищением и раболепной преданностью своей новой подруги, а потом насквозь промокшую Дейзи нашли в туалете на детской площадке, связанную ее же собственной скакалкой. Ханна, сама невинность, утверждала, что они всего лишь играли в копов и грабителей, Дейзи всячески поддерживала эту версию произошедшего, но с этого момента – вероятно, по настоянию матери Дейзи, гля-

девшей на меня с нескрываемой ненавистью когда мы пересекались на детской площадке, – в школе сделали все возможное, чтобы держать девочек подальше друг от друга.

После беседы с классной руководительницей Ханны мы возвратились в машину в гнетущей тишине.

– Ох, Даг, – сказала я, опустившись на пассажирское кресло рядом с водителем.

Он посмотрел на меня и вздохнул.

– Знаю.

Даг пододвинулся и взял меня за руку, на секунду я почувствовала прежнюю с ним близость. Но только он хотел мне что-то сказать, как проснулся и заплакал Тоби.

Я взглянула на Дага и начала открывать дверцу машины.

– Лучше сяду сзади рядом с ним, – сказала я.

Даг кивнул, повернул ключ зажигания и домой мы уже ехали, не проронив ни слова.

Через несколько дней после разговора в школе мы посадили перед собой Ханну и сообщили ей, какое ее ожидает наказание. Нам всегда это давалось непросто – не было такого развлечения или игрушки, к которым она испытывала бы настоящую привязанность, ей в буквальном смысле слова было наплевать, когда ее лишали личных вещей. Однако Ханна очень любила смотреть телевизор. И в данном случае мы сказали, что оставляем ее без телевизора на всю неделю.

Не думаю, что когда-нибудь забуду выражение ярости и откровенной ненависти на ее лице в момент, когда мы сообщили о своем решении.

На следующий день я обнаружила синяк на руке Тоби. Этим утром я оставила его в детском шезлонге пока собирала Ханну в школу. Вынимая для нее из сушки пару чистых носков я услышала, как он завопил от боли. Я взбежала по лестнице и увидела, что Тоби заходился в истерическом плаче, хотя еще минуту назад он счастливо ворковал. Я нашла Ханну сидящей, как и ранее, на полу в своей комнате, безмятежно собирающей пазл. Она даже не взглянула в мою сторону, когда я вошла. А позже я разглядела синяк, маленькую, злую, лиловую отметину на руке Тоби повыше локтя – словно кто-то с силой ущипнул его. Я не могла доказать, что это сделала Ханна, но знала, что это была она. Конечно, я знала.

Лондон, 2017

Совершенно оглоушенные Клара и Мак покинули здание полицейского участка. Поначалу, когда они пришли и выложили все дежурному молодому офицеру, тот не проявил никакого интереса, выслушав терпеливо – как и учили – сбивчивый рассказ Клары. Но его отношение поменялось, как только он увидел перед собой на столе ноутбук Люка, узнал о сотнях сообщений с угрозами, о проникновении в квартиру несколькими месяцами ранее, письме и фотографиях, просунутых под их дверь.

– Ясно, – произнес он. – Следуйте, пожалуйста, за мной.

Их с Маком провели через участок в небольшое помещение без окон и попросили подождать. Они нервно молчали, прислушиваясь за закрытой дверью к звуку приближавшихся и удалявшихся шагов в коридоре.

Когда дверь отворилась, с ними поздоровалась худощавая темнокожая женщина, представившаяся констеблем криминальной полиции Лореттой Мансфилд. Быстро приблизившись, она поприветствовала Клару и Мака твердым сухим

рукопожатием, улыбнулась, в то время как ее глаза изучающе скользнули по их лицам, затем села и положила ноутбук Люка на стол между ними.

– Итак, Клара, – сказала она, – я поговорила с моим коллегой о Люке, теперь нам нужно заполнить заявление о пропаже человека.

Клара тяжело сглотнула, во рту пересохло от нервного напряжения, когда она вновь рассказывала то, о чем ранее уже сообщила дежурному офицеру; констебль Мансфилд слушала спокойно, периодически поднимая по ходу повествования миндалевидные глаза и встречаясь взглядом с Кларой.

– Вы не ругались в последнее время? – спросила она. – Любой намек на то, что Люк хочет прекратить отношения?

– Нет! Как я уже сказала, Люк оставил дома мобильный телефон и кредитную карту, и потом... у него было важное собеседование на работе, к которому он напряженно готовился. Мы были... счастливы! – Она осознала, что говорит на повышенных тонах и почувствовала прикосновение Мака к своей руке.

Мансфилд кивнула, затем открыла ноутбук и начала читать сообщения.

– Понятно. – Вновь подняв голову, она решительно откашлялась. – О'кей, Клара, я еще раз пробежусь по всему, поговорю с моим сержантом из уголовного розыска. Вам я предлагаю пойти домой, дожждаться, пока мы с вами свяжемся, а если в это время вы услышите что-нибудь от Люка, или

же просто произойдет нечто необычное, сразу же звоните нам. – Она поднялась, коротко улыбнулась и кивком пригласила Клару и Мака следовать за ней.

Но Клара продолжала сидеть, с тревогой уставившись на нее.

– Уголовный розыск? Так вы согласны с тем, что эти сообщения могут быть как-то связаны с его исчезновением? – Клара надеялась, что от нее сейчас отмахнутся, скажут, что она преувеличивает, что для всего существует простое безобидное объяснение. Серьезность, с которой Мансфилд приняла ее опасения, вызвала в ней приступ паники.

– Все возможно, – сказала констебль. – Существует масса причин, по которым он мог ненадолго исчезнуть. Например, вышел пропустить пару стаканчиков и закутил – такое случается. Надеюсь, с ним не произошло ничего, о чем бы нам стоило беспокоиться. Но, повторяю, идите домой, кто-нибудь из сотрудников навестит вас в ближайшее время. У нас есть ваш адрес. – Она подошла к двери, открыла ее, и, поневоле, Кларе пришлось подняться со стула.

– Ты в порядке? – спросил Мак, когда они устало брели в сторону дома по Кингсленд-роуд.

– Даже не знаю. Так странно. Когда видишь во всяких новостях сообщения о пропаже людей, все эти призывы о помощи на Фейсбуке... просто не могу поверить, что он один из них, сюр какой-то! Временами говорю себе, что есть логичное объяснение, мне нужно расслабиться, а временами –

чувствую себя виноватой в том, что не ношусь по улицам в поисках Люка. Не представляю, что делать.

Мак мрачно кивнул.

Клара чувствовала себя обессиленной, когда они вернулись в пустую квартиру. На вешалке висела кожаная куртка Люка, на столике у окна лежало поле для игры в скраббл, позапрошлой ночью они не так и не закончили партию. На проигрывателе осталась пластинка, которую они в последний раз слушали в полной тишине. Словно он ушел несколько минут назад, но вот-вот вернется с бутылкой вина под мышкой и, сияя улыбкой, позовет Клару. Он ничего не прихватил с собой – ни единого предмета, который мог бы взять человек, намеревающийся покинуть дом.

Подошел Мак и встал рядом.

– Хочешь, я останусь? – спросил он. – Могу поспать на диване. Он объявится. Все будет о'кей. Они его найдут. – Но Клара слышала тревогу в его голосе. По дороге она думала о Люке и Маке, об их многолетней дружбе. Из них двоих Люк обладал более яркой индивидуальностью, Мак, с его спокойным сдержанным юмором, был вроде напарника Люка-клоуна. Люк, который страстно любил быть в центре всеобщего внимания, порой не умел остановиться, гарантированно покидал любую вечеринку одним из последних, Мак же непременно был рядом, уберегая друга от неприятностей, затал-

кивал в такси, случись Люку перебраться, и следил за тем, чтобы тот добрался до дома целым и невредимым. Инстинктивно Клара просунула свою руку в его, более благодарная, чем могла бы это выразить словами, за его спокойное неизменное присутствие. Он посмотрел на нее, улыбнулся, и вместе они молча пошли дальше.

Клара улыбнулась, внезапно осознавая, насколько страшно ей было одной прошлой ночью.

– Спасибо тебе, Мак, – сказала она.

Клара проснулась от звука домофона. Сев в кровати, все еще сонная, она в замешательстве крутила головой, обнаружив к своему удивлению, что легла спать в одежде. Она горестно вздохнула: исчезновение Люка окончательно выбило ее из колеи. Клара вспомнила, что решила прилечь в ожидании полиции, положила голову на подушку Люка, вдыхая аромат его кожи и волос, и ее накрыло чувство полнейшей безысходности, накатила волна нервного истощения. Должно быть, она провалилась в сон.

В оцепенении Клара поднялась с постели, прошла в гостиную и увидела на диване проснувшегося Мака, протирающего глаза. Она взглянула на часы – восемь утра. Домофон снова зазвонил и Клара поспешила ответить:

– Слушаю?

– Мисс Хейнес? Сержант уголовной полиции, детектив

Андерсон. Можно войти?

Детектив Мартин Андерсон был настоящим здоровяком. На Клару смотрел краснолицый мужчина – на вид чуть за тридцать, с намечающимся брюшком, небольшими, глубоко посаженными серыми глазами. По-настоящему взрослый человек с по-настоящему взрослой работой: и хотя Андерсон был ненамного старше Клары и Мака, он с успехом мог бы принадлежать к совсем другому поколению. Клара отметила его обручальное кольцо и живо представила пару детишек, боготворивших своего отца. Совсем иная жизнь, непохожая на ту, что вели она, Мак, их друзья из медийного бизнеса: с бесконечными попойками и вечеринками. Его сопровождала констебль Мансфилд, которая кивнула в сторону Клары и сухо улыбнулась ей.

– Это Мак, лучший друг Люка, – нервно пояснила Клара, когда они вчетвером расселись в гостиной. В квартире вдруг стало тесно; нечто официальное и серьезное темной завесой опускалось на дом, что подтверждало ее самые жуткие опасения и порождало новые волнения, от которых душа уходила в пятки. За окнами на улице кто-то тихо протяжно свистнул, затарахтел двигатель машины; мир продолжал жить своей жизнью, не обращая внимания на натянутую, выжидательную тишину в этой комнате.

– Я ознакомился с информацией, предоставленной вами вчера констеблю Мансфилд, – начал чеканить Андерсон гу-

стым звучным голосом, чья манера говорить, немного растягивая гласные, на слух коренного лондонца отдаленно напоминала акцент жителя Мидленда. – Полагаю, с тех пор вы ничего не слышали от Люка?

Клара помотала головой.

– Нет.

Он кивнул.

– Обычно пропавший человек находится в течение сорока восьми часов. Но, поскольку Люку угрожали, мы хотим убедиться в том, что к этому больше нечего добавить. Я так понимаю, было письмо... фотографии, а также незаконное проникновение в квартиру несколько месяцев тому назад? Все эти вещи при вас?

Следующие десять минут Клара ходила по квартире в поисках данных, которые затребовал сержант Андерсон: банковские реквизиты Люка, имена и телефоны его друзей и членов семьи с указанием места работы, недавняя фотография Люка, его паспорт и тому подобное. Клара двигалась как во сне, проходя мимо констебля Мансфилд, которая глядела на нее с сочувствием; в то же время она проводила свое собственное расследование, открывая различные шкафы и ящики.

– Что вы ищете? – спросила Клара, обнаружив ее внимательно изучающей содержимое полка в ванной комнате.

– Это стандартная процедура, – сказала Мансфилд, не отвечая на вопрос. – Кстати, мне понадобится что-нибудь, где

может быть ДНК Люка. Он взял с собой зубную щетку?

Клара покачала головой.

– Он ничего с собой не взял.

Стараясь не расплакаться, она протянула зеленую зубную щетку Люка, оставив свою, красную, одиноко стоять в стакане.

Когда Клара вернулась в гостиную, она отдала сержанту Андерсону все, что собрала, и в ответ он признательно кивнул.

– Люк и мобильный оставил, – сказала она, протягивая телефон. – Пин-код – 1609. – Шестнадцатое сентября. День ее рождения. Клара вспомнила, как Люк улыбнулся и сказал: «Так я никогда не забуду». Она проследила взглядом за тем, как телефон был оперативно помещен в пластиковый пакет для вещдоков.

Андерсон переключил свое внимание на Мака.

– Мак, скажите... и давно вы с Люком уже дружите?

– Восемнадцать лет. С тех пор как нам исполнилось по одиннадцать. – Клара с трудом сдержала улыбку при виде того, как этот исполин из Глазго вдруг выпрямился, сомкнув колени, словно послушный ученик перед директором школы.

– В его поведении в последнее время ничего не казалось вам необычным?

– Нет... не думаю, ничего.

Клара посмотрела на него. Было нечто странное в том,

как Мак это произнес, или ей показалось? Помедлил, прежде чем ответить, что-то не то с интонацией... Клара не могла сказать точно.

Не пробыв и получаса, полицейские поднялись, чтобы по-прощаться.

– Я думаю, на сегодняшний момент у меня есть все необходимое, – сказал Андерсон. – Следующим шагом будет разговор с родителями Люка и его сослуживцами. – Он прервался, проверяя свои заметки. – Бриндл-Пресс, В1, верно? – Клара кивнула, и он продолжил: – Мы еще просмотрим записи с видеокамер наблюдения, возможно, мы отследим, куда он направился вчера после работы.

Андерсон посмотрел на Мака.

– Будет хорошо, если вы оба подумаете над тем, что могло произойти за последние несколько недель, что имело бы отношение к делу – необычные телефонные звонки, что-либо оброненное им при разговоре с кем-нибудь из вас в несвойственной ему манере, или любое изменение в поведении...

– Конечно, – ответили одновременно Клара и Мак.

После ухода полицейских Клара опустилась на диван.

– Господи, – пробормотала она, обхватив голову руками. – По крайней мере, думаю, они относятся ко всему серьезно. – Мак не ответил, она развернулась и увидела его стоящим к ней спиной и смотрящим в окно. – Ты в порядке? – спросила она.

Он немного помолчал, а потом услышала, как он что-то

шепчет про себя. Она недоуменно уставилась на него.

– Мак? В чем дело? Что?

Он повернул к ней лицо.

– Господи, Клара. Мне очень жаль.

– Жаль? Бога ради, за что?

Он нервно взъерошил волосы.

– Мне правда не хотелось, чтобы ты узнала об этом таким образом. Но сейчас все равно все откроется – полиция всех опросит, коллег по работе, друзей, – всех, и я не хочу, чтобы ты слышала от кого-то еще.

– Ради всего святого, Мак! Услышу о чем?

Мак на секунду закрыл глаза.

– О любовной интрижке Люка.

Это был удар в самое сердце, от которого перехватило дыхание и начало трести. Когда Клара вновь обрела дар речи, она почти прошептала:

– Интрижка? С кем?

– Девчонка с работы. Зовут Сади. Думаю, она...

Из отдела рекламы. Блондинка, ноги от ушей. От силы лет двадцать.

– Да, я ее знаю. – Клара была удивительно бесчувственной, она как будто не до конца осознала услышанное. – И как давно?

– Несколько недель, может, пару месяцев. Но уже все кончено. Слушай, Клара...

Она перебила его:

– Пару месяцев? А он... он ее любит?

Мак эмоционально ответил:

– Господи, нет! Конечно, нет! Он любит тебя, Клара, поверь.

Она слабо рассмеялась.

– Ясное дело.

– Это было просто... Боже, Клара, мне так жаль.

Клара уставилась на него.

– Но Люк предложил мне съехаться. Зачем? Зачем это делать, если трахаешься с кем-то еще?

– Люк знал, что Сади была большой ошибкой. Он понял, что ему нужна только ты.

Клара кивнула.

– Супер. Мне повезло.

Молчание.

– А ты-то, Мак, почему, черт возьми, мне ничего не сказал? – спокойно спросила Клара. Она почувствовала, что с его стороны это было почти таким же предательством; ложь друга ранила не меньше, чем поведение мужчины, якобы любившим ее. Клара вспомнила о том, как они втроем проводили время, как она завидовала общим секретам Люка и Мака, и ее щеки запылали от гнева и стыда.

– Я...

Она метнула на него взгляд, ее голос зазвучал резко:

– Не надо ничего говорить. Потому что ты его лучший

друг. Парни стоят горой друг за друга, не так ли? Чертов глупый мужской кодекс поведения?

У Мака был жалкий вид.

– Клара, выслушай...

Клара отмахнулась от него.

– Всем известно? – Она подумала об огромном круге знакомых Люка – о людях, с которыми они вместе встречались, ходили в пабы, кого приглашали домой на ужин, – и чувство унижения обожгло ее еще больше. – Всем вам, его товарищам?

– Нет! Господи, не знаю. У Люка на душе было паршиво от всего этого. Он не знал, что делать, он страдал...

В этот момент Клара о чем-то вспомнила.

– А, так вот что ты имел ввиду, говоря что он решил проветрить голову, – сказала Клара и проблеск в глазах Мака подтвердил ее догадку.

– Поначалу я подумал, что Люк с Сади. Но я ей позвонил, и его там не оказалось. Потом я решил, что он отправился куда-нибудь, чтобы привести мысли в порядок, расставить все точки над *i*, но... Это не так, что-то не сходится – не сказать никому на работе, ни родителям, ни друзьям, оставить все вещи ... да и с Сади у них давно все кончилось.

С улицы до Клары донесся бряцающий грохот ящиков с пивом, которые привезли в бар на углу. Они сидели и прислушивались к этому звуку, связанному у Клары с летом, посиделками с Люком около пабов на залитых солнцем тротуа-

рах, с ощущением счастья.

– Клара, ты как? Мне жаль. Мне чертовски жаль.

Клара взглянула в его обеспокоенное лицо и внезапно почувствовала себя измотанной до предела. Она откинулась на спинку дивана.

– Просто уйди, Мак, – сказала она тихо. – Катись назад в свой гребаный дом.

Кембриджшир, 1988

Иногда мне требовался отдых и я оставляла Ханну у одной из местных женщин, присматривающей за детьми у себя на дому. Сейчас я понимаю, что она была немного нерадивая; в доме царил беспорядок, всякий раз, завозя Ханну, я заставляла там четверых ее собственных детей и, по меньшей мере, еще одного малыша, за которым она приглядывала. Но самое главное, что эта доброжелательная, прагматичная женщина выражала готовность принимать Ханну – к тому времени слухи о репутации Ханны расплозились по всей деревне, мало кто хотел иметь с ней дело. Признаюсь, я была в отчаянии.

Наверное, мне не стоило удивляться тому, что Ханна поступила именно так. В то утро она сказала мне, что не желает туда идти:

– Они безмозглые зануды, а в доме воняет мочой, – примерно так она выразилась. Полагаю, все последующее было ее способом наказать меня.

Мне не забыть гневного голоса позвонившей мне Кэти.

– Приходи и забирай свою дочь прямо сейчас, – выпалила она и бросила трубку.

В машине я мысленно перебирала возможные варианты. Набросилась на одного из детей? Что-нибудь украла? Но нет, в действительности все оказалось гораздо хуже. Когда я подъехала, Кэти уже ждала у дверей дома, при виде ее лица у меня мороз пробежал по коже.

– Ханна устроила пожар в спальне моего сына, – сказала она, скрежеща зубами.

Пути назад теперь не было. Не удастся замести мусор под ковер и делать вид, что с возрастом это пройдет, что Ханна переживает тяжелый этап в развитии. Ханна взяла спички из сумочки Кэти, пробралась наверх, сгребла в кучку книги Каллума и подожгла их. К счастью, Кэти почувствовала запах дыма прежде, чем огонь успел распространиться дальше – Ханна лишь успела прожечь большую коричневую дыру в ковре. Даже не хочу думать, что случилось бы, охвати огонь весь дом.

– Каллум меня взбесил, – пожалала плечами Ханна, когда я спросила ее, зачем она это сделала. На тот момент ей было семь лет.

Наша деревня маленькая. К тому времени Ханна уже успела поиздеваться над половиной школы, да и Кэти была не из тех людей, кто держит секреты при себе. Скоро все всё узнали бы. Давным-давно, когда я была бездетна и наивна, рисуя в воображении, какой будет моя семья, я представля-

ла, что подружусь со всеми местными мамочками. Мы установили бы прочные добрососедские отношения и наши дети счастливо играли бы в саду то одной семьи, то другой. И конечно, тогда я была уверена, что мы будем жить в той же деревне, где прошли мои детство и юность. Однако этого не случилось. Я еще надеялась, что мы станем частью нового сообщества. Мы начали бы с чистого листа. И вот чем всё закончилось: мой ребенок превратился в парию. У нее не было друзей, ее не приглашали в гости. Мамочки из школы регулярно встречались, но мне никогда не предлагали присоединиться. А теперь еще и это... Я не знала, как смогу опять появиться на людях.

На следующий день, отведя Ханну в школу, я поехала в библиотеку Питерборо. Направилась к разделу по психологии и начала перебирать все подряд. Я с трудом представляла, что искать, пока не наткнулась на нужную информацию, и в тот же момент уже даже не обратила внимания на слезы, хлынувшие из глаз.

Когда вечером Даг вернулся с работы, я поджидала его на диване. Накануне он пришел поздно, и у нас не было возможности подробно поговорить про то, что натворила Ханна; и сейчас, войдя, Даг настороженно на меня посмотрел.

– Просто выслушай меня, о'кей? – попросила я.

Он кивнул, сел рядом, и я протянула ему увесистую пач-

ку с копиями, которые я сделала днем. Прежде чем приступить к чтению, он бросил на меня взгляд из-под нахмуренных бровей. Я затаила дыхание.

Наконец Даг поднял голову с выражением изумления на лице.

– Расстройство личности в детском возрасте? – спросил он. – Ранние признаки социопатии? Ты это серьезно?

Я придвинулась к нему поближе.

– Даг, пора взглянуть правде в лицо. Больше так продолжаться не может, Ханна подожгла комнату Каллума, повредила мой глаз так сильно, что пришлось обратиться за неотложной помощью. Она убила Луси... и потом, эта бесконечная ложь, воровство, буллинг. – Я все больше раздражалась и поэтому заставила себя остановиться и сделать глубокий вдох. – Есть такое понятие, как диссоциальное расстройство личности, в книгах пишут, на какие тревожные звоночки стоит обратить внимание.

Я с нетерпением выхватила из его рук пачку бумаг и начала листать в поисках нужного мне места, затем прочла вслух:

– Диссоциальное расстройство личности и социопатия могут проявляться в детстве: желание издеваться над животными или убивать их, склонность к умышленным поджогам, манипулирование другими людьми... – Я посмотрела на него. – Даг, возможно все это именно про Ханну.

– Бет, – покачал он головой. – Брось...

– Почему ты все отрицаешь? – спросила я. – Мы могли бы

ей помочь. Мы могли бы помочь нам!

– Хочешь, чтобы ее отправили на лечение? – ответил он; от переживаний его голос звучал зло и резко. – Упекли за решетку? Кто она, по-твоему, будущий серийный убийца? Ты это имеешь ввиду?

– Нет, конечно, нет. Я этого не говорила. Я напугана не меньше тебя. Я люблю Ханну. Но я уверена, что с нашей девочкой происходит что-то ужасное, нужно помочь ей как можно скорее. Я знаю, тебе страшно, но это не значит, что мы не любим ее. А что, если она навредит Тоби?

Даг отвел взгляд.

– Тот мозгоправ, к которому мы ее как-то водили, сказал, что с ней все в порядке.

– Он сказал, что она слишком мала, чтобы поставить диагноз.

– Господи!

Даг поднялся с дивана и начал расхаживать взад-вперед по комнате, остановился у окна, постоял там в тишине, глядя на улицу. Потом он вновь заговорил каким-то не своим, сдавленным голосом:

– Если это все так и ты права... не могут ли они забрать у нас Ханну, Бет? Вдруг они решат, что мы не в состоянии заботиться о ребенке, что мы виноваты в том, какой она стала?

– Даг, Ханна ведет себя день ото дня все хуже, – осторожно напомнила я. – Ей необходима помощь. Да и нам тоже.

Даг кивнул, я с замиранием сердца ждала, пока он про-

должал глядеть в окно.

– Хорошо, – промолвил он наконец. – Хорошо, давай попробуем еще раз обратиться к специалисту. – Даг посмотрел на меня. – Только не к этому придурку из Питерборо.

Он грустно улыбнулся мне, чего давно уже не делал, по моим ощущениям – целую вечность, и это было огромным облегчением. Думаю, тот редкий момент близости между нами сподвиг меня вытащить из небытия то, о чем мы договорились никогда друг другу не напоминать и сказать ему следующее:

– Даг, я хочу поговорить о том, что произошло, – выпалила я. – О том, что мы сделали.

Он понял, к чему я клоню, и мгновенно затих. Мои слова повисли в воздухе между нами.

– Слушай, Бет, – сказал он наконец. – Я не могу сейчас об этом думать...

– Пожалуйста, Даг, – умоляла я. – Давай просто поговорим, мне это необходимо. Мои мысли постоянно крутятся вокруг этого, а твои – разве нет? Я просыпаюсь и думаю, о чем мы солгали, о бедной семье этой девочки...

Он ответил резким тоном:

– Бет, все в прошлом. Мы договорились...

– Но мы поступили плохо. Настолько плохо, что нам не следовало бы...

Даг смерил меня таким ледяным взглядом, что я тут же ошарашенно замолчала.

– Это было твое желание, и теперь нам с этим жить.

Я вытаращила глаза.

– Я? Мое желание? Даг, мы оба этого хотели.

Понуриив голову, он собрался уходить.

– Пожалуйста, Даг, останься! – Я разревелась.

Он остановился, не оборачиваясь, помедлил в тишине и решительно вышел из комнаты. Я услышала, как с грохотом закрылась входная дверь.

Он вернулся через несколько часов, пьяный, молчаливый, все еще слишком злой, чтобы даже смотреть в мою сторону.

В следующие дни мы практически не общались. Я записалась на прием к семейному врачу, выдавшему мне направление к детскому психологу в Кембридже, где нас поставили в лист ожидания на несколько недель вперед. Одиночество после нашего разговора с Дагом было невыносимым. Я все больше погружалась в себя, размышляя о вещах, которые однозначно следовало бы оставить в прошлом. Я знала, что только один человек был в состоянии мне помочь – тот, кто уже однажды дал ответы на все вопросы, и кому был известен наш секрет так же хорошо, как нам – его. Разговор с ним принес бы облегчение, как если бы вскрыли давно гноющуюся ранку. Я отдавала себе отчет в том, что Даг никогда не согласится, он ужаснулся бы от одной идеи нашей повторной встречи – но чем больше я представляла, как набираю телефонный номер, тем отчаяннее мне хотелось это сделать.

Лондон, 2017

Мак ушел, его слова все еще звучали в ушах Клары, застывшей на диване в абсолютном шоке, не ощущавшей пока ровным счетом ничего; для нее мир был лишен звуков и чувств, как после взрыва. Но она знала, что боль неминуемо настигнет ее, предчувствовала растущую катастрофу, готовую, подобно цунами, обрушиться в любой момент.

Взгляд упал на их совместную фотографию в парке Хэмпстед-Хиз: она нежно смотрит на него, глаза светятся от счастья. Идиотка! Казалось, Люк любит ее, и тому подтверждением служит не одна сотня примеров, которые Клара перебирала сейчас в памяти. В какой из них он ее обманывал? Когда перестал чувствовать себя удовлетворенным, стал отдаляться, поглядывать по сторонам?

Она вспомнила их первое свидание. Туманным летним вечером в Саут-Банке он неожиданно взял ее за руку и увел подальше от толпы, уличных музыкантов, книжных развалов, баров и ресторанов; они спустились по покрытым мхом каменным ступенькам к берегу реки, где на илистом песке небольшие группки людей жались друг к другу, над костром

вился дым, бродяга играл на гитаре, в водной глади отражался свет с набережной, а последние лучи солнца исчезали за башнями Сити. И когда он ее поцеловал, она почувствовала себя бесконечно, безумно счастливой, как никогда прежде. Не будучи особо искушенной Клара моментально влюбилась по уши, полностью забыв о себе, не думая о последствиях в случае, если что-то пойдет не так.

Сади. Чертова Сади Бэнкс. Все до последнего знали? Коллеги, друзья? И тут, вспомнив, она достала визитную карточку сержанта Андерсона, внимательно посмотрела на нее, а затем решительно потянулась за телефоном и набрала номер, не дав себе времени передумать; волны цунами обрушились на нее и утащили под воду.

– Сержант Андерсон.

Она сглотнула.

– Это Клара Хейнес. Я... Вы...

– Да, приветствую, Клара, чем могу помочь?

Она заставила себя говорить.

– У Люка была любовная интрижка, – произнесла она чужим деловым тоном постороннего человека. – Ее зовут Сади Бэнкс, она тоже работает в Бриндл. Думаю, вам стоит с ней пообщаться. Возможно, у нее есть идеи получше относительно того, где искать Люка.

На последнем слове голос Клары сорвался, и как только она закончила разговор, боль пронзила ее, затянула в свой порочный водоворот, заполняя легкие невыразимой тоской.

Прошло много времени, прежде чем она села, подпирая голову руками, с лицом мокрым от слез. Что ей теперь оставалось делать? Паковать чемоданы и съезжать? Люк ее бросил из-за кого-то еще? Все затевалось ради одного: это был лишь трусливый способ порвать с ней, показать, что он, в конечном итоге, ее больше не любит.

Когда Клара пришла в офис на следующее утро – мысль оставаться дома в их квартире, наполненной выжидательной тишиной, казалась ей невыносимой – она с опущенной головой поспешила в редакцию своего журнала, не в состоянии сообразить, с чего начать отвечать даже на самый безобидный вопрос о том, где она была. Клара с надеждой подумала, что полиция, возможно, еще сюда не звонила и пока никто не догадывается о бомбе, взорвавшейся посреди ее жизни. Не поднимая взгляда, она быстро прошла к своему рабочему месту.

Однако, буквально через полминуты, выглянув из-за компьютера, она увидела коллег, кольцом обступивших ее стол и внимательно смотревших на нее.

– Черт, Клара, ты в порядке? – спросил редактор отдела.

– К нам тут вчера полиция нагрянула, – выдохнул один из сотрудников.

– Есть новости от Люка? Где он, как ты думаешь? – спро-

сил кто-то еще.

– Я не знаю, – пробормотала она. – Они – я имею ввиду полицию – тоже не знают.

Ее щеки запылали румянцем, стоило ей во время разговора задуматься о том, скольким из них известно о Сади.

Весь остаток утра Клара пыталась отвлечь себя работой, не обращая внимания на сочувствующие взгляды коллег, но к одиннадцати часам она осознала, что бессмысленно пялится в экран компьютера, не способная сконцентрироваться ни на чем, кроме мыслей о Сади, работавшей всего пару этажами ниже. В конце концов, не оставляя себе шанса передумать, она открыла почтовый ящик и начала набирать текст сообщения: «Мы можем встретиться в обеденный перерыв?»

С колотящимся сердцем она ждала ответа, который пришел через несколько секунд – сообщение длиной в одно простое слово «О’кей».

Клара выбрала кафе в дальней части Лестер-сквера, где их навряд ли обнаружит кто-нибудь из коллег. Это было довольно безвкусное, неоправданно дорогое кафе-мороженое, оно же – сувенирная лавка, забитая туристами, скупавшими дешевую сувенирную продукцию с изображением Юнион Джека, которые толпились на выходе, смущенно пересчитывая полученную сдачу. Она пришла заранее и заняла столик в углу, подальше от прохода, ее взор был прикован к

банке колы, стоявшей перед ней, а пальцы нервно теребили салфетку.

Клара чуть не расхохоталась в ту секунду, когда перед ней возникла до смешного красивая Сади. Волосы медового оттенка, большие голубые глаза, обладательница пресловутой идеальной фигуры, которую провожают взглядом. Клара представила Люка и Сади в одной постели и моментально ощутила такую боль, словно ее ударили кулаком в солнечное сплетение. Она не шла ни в какое сравнение с этой богиней. Не исключено, что Люк тайком подсмеивался над Кларой, сопоставляя ее короткие ноги и невыдающуюся грудь с этим совершенством. Сейчас ей было трудно представить, как она могла оставаться настолько наивной, обманывающей себя, чтобы поверить в то, что Люк не принимает всерьез девчонок вроде Сади – слишком молодых и недалеких, чтобы быть по-настоящему привлекательными – и предпочитает ее ум и чувство юмора их красоте. Какой же она была душой!

Сади села напротив Клары, не проронив ни слова. Они настороженно смотрели друг на друга, ни одна из них не решалась начать разговор. Первой взгляд отвела Сади. Она принялась вертеть плошку с кубиками сахара и Клара с удивлением отметила, что руки у Сади дрожали.

– Полицейские уже успели с тобой пообщаться? – нако-

нец спросила Клара, изумляясь собственному голосу, звучащему громко и уверенно, без плаксивых ноток, которые она ожидала услышать.

Сади утвердительно кивнула.

Клара сглотнула.

– Что ж... ты видела Люка? Знаешь, где он?

В ответ на это Сади категорично замотала головой.

– Нет! Последний раз я его видела во вторник на работе, богом клянусь, Клара!

– До этого момента... вы продолжали встречаться?

Сади вновь покачала головой.

– Как давно? – Ее голос сорвался и она поморщилась от того, насколько унижительной была вся эта ситуация в целом. Она откашлялась и заново спросила: – Как давно ты трахаешь моего парня?

Сади бросило в краску. Ее безупречная кожа начала покрываться темно-розовыми пятнами.

– Это было всего лишь раз.

Клара недоверчиво фыркнула. Мак говорил по-другому. Впервые ее обида на Люка уступила место холодному презрению. Не важно, красавица она или нет, Люку действительно был нужен этот лживый ребенок? Неужели?

– Я знаю, что это неправда, – сказала Клара. – Тебя сколько-нибудь волновало, что у него есть девушка?

Глаза Сади наполнились слезами.

– Мне очень жаль, Клара. Мы не хотели, чтобы так вышло.

Мы. Ирония заключалась в том, что Клара всегда симпатизировала Сади; они частенько болтали во время офисных вечеринок, смеялись в пабе над чокнутым боссом Сади. Слишком милая, готовая угождать, Сади не могла представлять угрозу, да и у Клары не было привычки думать о других женщинах с этой точки зрения. Возможно, и стоило бы, как она сейчас с горечью размышляла.

– Почему вы расстались?

– Он бы не... он не хотел тебя бросать. Сказал, что любит и хочет на тебе жениться, – Сади расплакалась, – сказал, что я была ошибкой.

Клара ничего не ответила и Сади быстро произнесла:

– Ты, конечно, меня ненавидишь. Я уверена. Но я не такая ужасная, Клара. Правда. Только... ты не знаешь, где он? Думаешь, с ним все в порядке?

Клара поднялась.

– Откуда мне знать, Сади? – сказала она вяло. – Твою мать, я уже вообще больше ничего не знаю.

Вечером, когда Клара шла к подземке, позвонила Роуз. Она помедлила, одолеваемая усталостью, поводила пальцем по кнопке приема вызова, решая, сможет ли еще раз повторить Роуз то, о чем они уже говорили с сержантом Андерсоном. В конце концов она ответила, осознавая, что пропажа Люка была для Роуз более тяжким испытанием, чем для нее самой.

– Привет, – сказала она, – как дела?

– Ох, Клара. Я этого не вынесу. Всё кручу в голове, где он может быть, всё ли с ним в порядке, известно ли ему, как мы все его любим, – слышались сдавленные всхлипывания.

– Я знаю, – тихо ответила Клара, – насколько это тяжело для вас. – Она помолчала. – Как держится Оливер?

– Очень плохо. Он ужасно подавлен. Вся эта ситуация вызывает крайне болезненные воспоминания, как ты, наверное, догадываешься.

– Мне жаль.

– Я волнуюсь за него, Клара. Он почти не ест и не спит, запирается у себя в кабинете, со мной практически не общается.

Клара всем сердцем переживала за Роуз. Ей было известно, как сильно Роуз любила Оливера; ее всегда трогало, насколько глубоко та была привязана к мужу, как гордилась им, несмотря на собственные значительные успехи. Для Клары прочный брак Лоусонов оставался примером, достойным подражания; в его основе лежало великодушие и деятельное участие в жизни друг друга, тогда как отношения между ее родителями были замкнутыми и недоброжелательными.

– Для нас такое утешение знать, что у Люка есть ты, – продолжила Роуз, – у всех нас есть. Ищешь его, помогаешь полиции. Понимаешь, ты для нас как дочь.

Клара на мгновение прикрыла глаза, пронзенная болью.

– Не волнуйся, – ответила она, – все будет в порядке.

– Не перестаю думать о тех ужасных сообщениях. Расскажи мне еще раз, связывает ли их сержант Андерсон с тем, что произошло?

– Не думаю, что ему уже известно, как...

– Но они должны быть связаны! Тот же человек, что проник к вам в дом, сделал снимки...

Клара на секунду засомневалась, стоит ли рассказать Роуз об интрижке Люка, о ее намерении расстаться с ним, о том, что Люк причинил ей слишком много боли, чтобы продолжать беспокоиться о его местонахождении. Но прежде чем сформулировать мысль до конца, Клара уже знала, что так не поступит. Что бы ни сделал Люк, чтобы ни случилось – она не сможет обойтись подобным образом ни с ним, ни – в особенности – с его родителями. В конечном счете, их вины в произошедшем не было.

– Я сейчас захожу в подземку, – сказала она вместо этого. – Обязательно позвоню вам, как только будут новости от полиции. Роуз, тебе нужно оставаться сильной. Мы его найдем. Я обещаю.

Сев на Северную линию несколькими минутами позже, Клара принялась размышлять о горе, выпавшем на долю Роуз. Она мысленно вернулась на год назад в Саффолк. В этот день родители Люка организовали деревенский праздник, чтобы собрать средства для местной девочки, больной лейкемией. Повсюду были расставлены палатки с едой, организованы игры, танцы, звучала живая музыка; пришли все жи-

тели деревни и в воздухе витала атмосфера праздника, общности и доброй воли. Клара наблюдала, как задорно отплясывала Роуз под музыку деревенского оркестра, в то время как улыбающийся Оливер руководил состязаниями по перетягиванию каната и сшибанию кокосовых орехов. Несмотря на долгие недели непростой подготовительной работы, время и деньги, потраченные на организацию мероприятия, она видела с какой самоуничижительной скромностью они отметили все поздравления и выражения благодарности. И только когда родители девочки, для которой был организован праздник, подошли к Лоусонам и обняли их обоих, Клара отметила, что они были тронуты и рады успеху того дня.

Когда поезд медленно подъезжал к Олд-стрит, Клара поднялась, с горечью осознавая, насколько жестока жизнь. Почему плохие вещи случались с теми, кто, казалось, их меньше всего заслуживал? Разве Оливер и Роуз уже не достаточно пострадали? Она вышла из вагона на платформу, преисполненная решимости сделать все возможное, чтобы помочь родителям Люка отыскать его.

Мак поджидал ее на улице около дома. Прислонившись к стене, он опасливо смотрел на приближавшуюся Клару. Мак поднял руки, словно сдаваясь:

– Только хотел поинтересоваться, как ты, – сказал он.

Она вздохнула, слишком уставшая, чтобы прогнать его прочь.

– Пошли.

Через пять минут они уже сидели друг напротив друга за столом на кухне. Она смотрела на его знакомую, очаровательную неуклюжесть, кожу, такую бледную, словно он практически никогда не бывал на солнце, что не слишком отличалось от истины: Мак будучи фотографом-фрилансером зарабатывал тем, что проводил ночи напролет за съемками выступлений и концертов, поэтому частенько спал в дневные часы. Милый, преданный друг Люка, способный рассмешить ее за долю секунды, кого она вплоть до вчерашнего дня считала и своим близким другом.

– Почему он это сделал? – спросила она. – Мы только начали жить вместе, он говорил, что любит меня. Какого хрена ему было надо?

Мак беспомощно пожал плечами.

– Он просто чертов идиот.

– Ты должен был мне рассказать, Мак. Я думала, мы друзья.

– Я и есть твой друг. Подумай о положении, в котором я очутился. Мне чертовски все надоело. Но рассказать должен был он, а не я. Я просил его это сделать, повторял снова и снова, ты должна мне поверить!

В раздумье Клара потерла глаза.

– Как у них все началось? – спросила она.

– Как-то вечером после работы Люк увидел Сади в пабе и заговорил с ней. По-моему, у нее только умер отец, она бы-

ла в подавленном настроении, выпила лишнего, Люк успокоил ее, сказал, что всегда рядом, если нужно с кем-то поболтать. Ты же знаешь его вечное желание поддержать всех вокруг. Как бы там ни было, после этого – по его словам – Сади взяла за обыкновение использовать любую возможность для встречи, они периодически выходили обедать, случись ей забежать в паб после работы, она напрямик шла к нему. Однажды ночью все закончилось в ее квартире и, в общем, думаю, одно зацепилось за другое. После этого, как сказал Люк, она прохода ему не давала, говорила, что запала на него, что только благодаря ему она еще не сошла с ума. Он увяз по уши, не зная, как выбраться...

– Думаю, не последнюю роль сыграло то, что она выглядит как чертова супермодель, – проговорила Клара, в который раз мысленно проводя параллель между собой и Садией, находя, что это унижительное сравнение было не в ее пользу. Клара относилась к женщинам, которых называли «миловидными». Ростом пять с половиной футов, стрижка каре в стиле Бетти Пейдж, вздернутый нос и веснушки, она уже давно примирилась с тем фактом, что не принадлежит к типу женщин, о которых грезят мужчины – до сегодняшнего дня, когда вдруг давным-давно погребенная подростковая неуверенность вернулась со скоростью бумеранга.

Мак вздохнул.

– Слушай, не хочу его оправдывать, но он допустил ошибку, огромную ошибку, реально облажался, и ему это хорошо

известно... он очень сожалеет, поверь.

– Господи, – сказала она, обхватывая голову руками. – Мне он казался таким ... славным.

– Он славный, – сказал Мак. – Просто под покровом всего этого он еще и немного засранец.

– Какое право он имеет быть таким недоумком? – сказала она зло. – Ты же знаешь его родителей, видел их прекрасный дом...

Мак помолчал.

– Люк говорил с тобой когда-нибудь о том времени, когда пропала Эмили? – спросил он.

Клара взглянула на него.

– Нет, не особо, – призналась она.

Он кивнул.

– Я переехал в Саффолк из Глазго сразу после ее исчезновения. Долговязый новичок со смешным акцентом. Другие парни показали мне, где раки зимуют, пока не вступился Люк. Мы сдружились, и, что тут скажешь, я был еще ребенком, но, твою мать, что за жуть творилась у него дома какое-то время.

Клара нахмурилась.

– Продолжай.

– Это полностью разрушило их жизнь. Роуз слегла на несколько месяцев, почти не разговаривала и не принимала пищу. Его отец отгородился от мира в своем кабинете, а Том полностью слетел с катушек.

Она удивленно посмотрела на него.

– Том? – Клара никогда бы не заподозрила чопорного самодовольного брата Люка в чем-то подобном.

– Да-да, выглядело так, словно он порвал с семьей. Ему на тот момент было шестнадцать, он связался с дурной компанией – пропадал, напивался, принимал наркотики, все такое, понимаешь? Думаю, Роуз и Оливер чувствовали, что упустили его. В любом случае, суть в том, что после всего произошедшего Люк, казалось, стал центром их вселенной, они буквально заиклились на нем. Эмили исчезла, Том где-то шатался целыми днями, все начало вертеться вокруг Люка – не забывай, ему было всего лишь десять, когда она ушла.

– Что значит «заиклились»?

Мак пожал плечами.

– Родители ни на секунду не оставляли его одного. Он шага не успевал ступить, а они уже дышали ему в затылок. Они и вечерами брали его с собой, даже если выдавалась возможность оставить присматривать за ним Тома. Роуз и Оливер были одержимы всем, что он говорил и делал, его школьными занятиями, здоровьем, мыслями, любым произнесенным им словом... Безумие какое-то, словно они хотели искупить свою вину за то, что все пошло наперекосяк с Эмили.

Клара нахмурилась.

– О'кей, – сказала она.

– Ну, как бы там ни было, возможно, выросший в таких условиях Люк, чувствовал, что несет ответственность

за счастье своих родителей, за счастье всех и каждого. Или, возможно, лавина внимания, которая обрушилась на Люка, сделала его немного эгоистичным и заносчивым. Тебе надо услышать от него о том, что он глубоко сожалеет и раскаивается. Он мне сказал, что с Сади все кончено, сказал, что это была самая большая ошибка в его жизни, и что он не хочет потерять тебя. Я ему поверил. Честно, Клара, я уверен, что вся эта история заставила его осознать, насколько сильно он тебя любит.

Она обхватила голову руками.

– И где его черти носят? Не терплю это... состояние неопределенности. Мне есть, что с ним обсудить. – Она посмотрела на Мака. – А может, он и бросил меня? Просто духу не хватило сказать мне об этом прямо в лицо?

Мак покачал головой.

– Нет. Не таким образом, без мобильного, не сообщив никому на работе, родителям... мне.

Внезапно их разговор был прерван взрывом музыки, раздавшимся из верхней квартиры, бас пульсировал так громко, что дрожал потолок.

– Ради всего святого! – прокричала Клара, вскакивая на ноги. Охваченная неожиданным приступом ярости, она вылетела из квартиры наверх по лестнице и принялась барабанить в дверь соседки. Ответа не последовало. Музыка продолжала реветь. – Открой чертову дверь! – выкрикнула она, сильно пнув по двери. – Открывай! Черт подери... сию ми-

нугу!

Неожиданно дверь распахнулась. Соседка уставилась на нее, подняв брови в невинном недоумении.

– Что?

– Убавьте чертов звук. С ума можно сойти. Я не могу так жить!

Не спеша, с улыбкой на лице, способной привести кого угодно в бешенство, женщина развернулась, медленно направилась к аудиосистеме и повернула ручку громкости на одно деление вниз. Затем она вернулась к Кларе.

– Счастлива?

Клара изумленно смотрела на нее. Она была необычайно худой, мешковатая футболка оверсайз лишь подчеркивала ее костлявые угловатые формы. Точеное лицо, выглядывающее из-под завесы темных волос, длинных и жидких, было так обильно покрыто плотным слоем косметики, что напоминало маску. Она буравила Клару воинственным колючим взглядом. Во имя всего святого, в чем ее проблема? Заглянув мимо нее в квартиру, Клара увидела свалку: кругом валялись одежда, тарелки, компакт-диски, из кухни доносился стойкий запах мусора. Да и кто вообще в наши дни слушает транс?

– Да, – ответила Клара с холодным сарказмом. – Большое спасибо!

Она уже была готова уйти, как ее взгляд зацепился на какой-то вещи, свисавшей с кресла. Это была толстовка. Тол-

стовка Люка. Клара с удивлением уставилась на нее. Характерный красно-зеленый дизайн с орлом на спине – Люк купил ее пару лет назад в Нью-Йорке. Он очень любил эту вещь. Клара не забыла, как он был раздосадован, когда толстовка пропала. Когда же это точно случилось?

Женщина проследила за ее взглядом. И моментально начала закрывать дверь.

– Я убавила звук, теперь проваливай! – сказала она, и ошеломленная Клара замерла на несколько секунд перед закрывшейся дверью.

Клара вспомнила слова соседки: «Где Люк?», – произнесенные в тот день, когда он пропал, со странной хитрой ухмылкой на лице.

– Открывай! – закричала она, барабанила по двери. – Открой немедленно эту гребаную дверь!

Но музыка грохотала и дверь была по-прежнему закрыта. В конце концов, испустив вопль отчаяния, Клара спустилась к себе. Когда же пропала толстовка? Примерно в то же время, как к ним забрались в квартиру? – Похоже, что так, – подумала она. Они были уверены, что ничего не пропало, но... возможно, полиция не могла понять, как непрошенный гость проник к ним, так как на протяжении всего времени эта непрошенная гостья жила в том же доме? Это она отправляла письма?

– Ты в порядке? – спросил Мак, когда Клара примчалась обратно. – Ты словно призрака встретила.

Не отвечая, Клара достала телефон и нашла номер сержанта Андерсона. Он ответил в ту же секунду.

– Привет, это Клара Хейнес, – сказала она. У меня кое-что есть, что я...

– Клара, хорошо, что вы позвонили. Я и сам собирался вам звонить. Мы тут откопали нечто интересное. Как быстро вы сможете к нам приехать?

Кембриджшир, 1988

Однажды днем, пока Даг был на работе, я позвонила, мои пальцы дрожали, когда я набирала телефонный номер. Услышав гудок, в приступе паники я чуть не повесила трубку. Потом раздался щелчок на другом конце провода знакомый голос произнес: «Слушаю», – и слова застряли у меня в горле. «Алле? Алле?» – прозвучало с нетерпением. «Пожалуйста, не молчите».

Так странно было вновь услышать этот голос спустя столько лет, осознавая, что его обладатель сейчас стоит в когда-то хорошо известном мне доме. Мысленно я представила зеленовато-голубые обои в холле, выложенный елочкой паркет и рассеянные по нему лучи света. На мгновение я вернулась назад, вдохнула привычные запахи – лавандовой полироли для мебели, свежего кофе и смеси из сухих цветочных лепестков в вазочке на подоконнике, услышала тиканье часов над верхней ступенькой лестницы и заглянула в знакомые глаза, которые в те дни часто утопали в слезах. Я тяжело сглотнула, и, наконец, сказала шепотом:

– Это Бет Дженнингс.

Воцарилась абсолютная тишина.

– Пожалуйста, – взмолилась я. – Пожалуйста, не вешай трубку. Нам нужно встретиться. Я хочу поговорить с тобой. – И тут я расплакалась. – Мы можем увидеться?

В ледяном голосе прозвучали панические нотки:

– Исключено. Мы договорились. Ты дала слово.

– Знаю, – ответила я. – Я бы никогда не позвонила, если бы не находилась в таком отчаянии. Мне необходимо поговорить о произошедшем. Я думала, что смогу жить с тем, что мы сделали, но, по всей видимости, – нет. Мне кажется, нам надо все исправить, я хочу пойти в полицию.

– Нет, нет, Бет! – последовала долгая пауза, в итоге я услышала: – Хорошо, давай встретимся. Но не здесь. Ты не можешь сюда прийти. Дай мне свой адрес.

Было странно вновь увидеть это лицо, знакомую фигуру за моим кухонным столом. Через каких-нибудь пару минут я вновь разрыдалась, слова из меня лились нескончаемым потоком. Я говорила обо всем – о том, что мы натворили и о том, что чувство вины меня никогда не покидало. Я рассказала о Ханне, своем замужестве, о страхе медленно сойти с ума. Я понимала, как остро нуждалась в ком-то, кому могла бы полностью довериться, насколько сильно мне не хватало друга.

– Как думаешь, что мне теперь делать? – спросила я с отчаянием, когда все слова закончились.

Но взгляд устремленных на меня глаз был по-прежнему холоден.

– Если расскажешь полиции, мы все потеряем. Ты все потеряешь. Неужели не понятно? Какая польза ворошить сейчас прошлое?

– Не знаю! Не знаю! – Я поняла, что все бесполезно. Никто не в силах мне помочь и ничего тут не сделаешь. Опустив голову, я не переставая плакала. Я даже не подняла глаз, услышав скрип отодвигаемого стула и звук открывшейся и вновь закрывшейся двери. Вот и конец. Все было напрасно.

Спустя какое-то время я поднялась. Заставила себя сделать несколько медленных глубоких вдохов. Тоби, наверное, скоро проснется, мне было необходимо взять себя в руки. Я медленно подошла к раковине и ополоснула лицо, заставила себя направиться в сторону лестницы и, изображая улыбку, уже было начала подниматься, чтобы проверить сына. Мне вдруг очень захотелось увидеть его, дотронуться до него, вдыхая чудесный аромат его тельца. Проходя мимо телефонного аппарата в холле, я вернула трубку на место, так как сняла ее ранее с базы, чтобы нам не мешали; не успела я убрать руку от телефона, как он зазвонил.

Я ответила.

– Алло?

– Вас беспокоят из начальной школы Вест-Эльмс, – сообщили мне энергичным деловым тоном. – Ханна с вами, миссис Дженнингс?

– Ханна? – спросила я удивленно. – Нет. Почему она должна быть ... разве она не в школе?

– Боюсь, она опять сбежала. Должно быть, проскользнула в верхние ворота школы после обеда. Мы не смогли до вас дозвониться и вызвали полицию. Думаю, они на пути к вам.

– Но. – Я почувствовала, как краска заливает мое лицо. – Как давно она ушла?

– Минут сорок тому назад. Как я уже говорила, мы пытались с вами связаться, но ...

Я повесила трубку и с колотящимся сердцем поспешила назад на кухню. Последний раз, когда Ханна сбежала из школы, я нашла ее сидящей в заднем дворике на скамейке под нашим кухонным окном. В кухню вела голландская дверь, и, так как было тепло, я оставила верхнюю створку открытой. Я бросилась к ней и выглянула на улицу, опасаясь увидеть Ханну, находившуюся там все это время. Но я ошиблась: в саду никого не было и я облегченно вздохнула.

Я обернулась назад и вскрикнула от неожиданности. В дверном проеме небольшой кладовки, примыкавшей к кухне, стояла Ханна. Скорее всего, она пряталась там с самого начала. И точно подслушала полностью наш разговор. Ей все стало известно.

Мои ноги подкосились.

– Ханна, – сказала я. – Ох, Ханна.

Она не отводила глаз, и это показалось мне вечностью. Я почти не дышала. Потом она прошла мимо меня к лестнице,

а я усталилась ей вслед, подрагивая от ужаса.

Остаток дня превратился в пытку. Я знала, что не могу рассказать Дагу о случившемся. Он строго наказал мне не пытаться искать встречи, сама идея приводила его в ярость, он никогда не простил бы мне, предприми я что-то за его спиной. И вот это случилось. А если Ханна расскажет Дагу? Если она сообщит учительнице о подслушанном разговоре? Я могу потерять все. Ханну, брак, дом... возможно, даже Тоби. Мысль о жизни без моего мальчика ранила ножом по сердцу.

В последующие часы я старалась не встречаться взглядом с дочерью, паниковала, с замиранием ожидая ее реакции. Но, казалось, ее никак не тронуло то, что она слышала. Может быть, до нее просто не дошел весь смысл сказанного, с отчаянием убеждала себя я. Не переставая мысленно повторять произнесенное мной на кухне, я понимала, что наш разговор нельзя было истолковать иначе. Да и как по-другому? Она слышала страшные, жуткие вещи; несомненно, для Ханны было потрясением узнать о том, что произошло.

Этим вечером, заботливо укрывая Ханну одеялом, я немного задержалась под предлогом, что хотела привести комнату в порядок. Я вспомнила, как мы были воодушевлены, когда только переехали в этот дом, как горели желанием сделать комнату нашей девочки идеальной. Теперь, глядя по сторонам на стены жизнерадостного желтого цвета, гирлянду из фонариков над каминной полкой, большой куколь-

ный домик, который Даг смастерил собственными руками, и прочие мелочи, столь тщательно и долго подбираемые нами для дочери, хотя она оставалась ко всему равнодушной – я старалась найти правильные слова, чтобы начать разговор.

– Ханна, – сказала я. – Дорогая...

Ханна вопросительно уставилась на меня. Ей было всего семь, маленькая для своего возраста, она, казалось, изменилась в эту секунду, ее личико уже не выглядело таким детским; это был один из тех моментов, когда родители с удивлением осознают, что их дети растут незаметно, начинают отдаляться, что время пробегает слишком быстро. Ее волосы разметались по белой подушке, она внимательно следила за мной.

Я сделала глубокий вдох; во рту пересохло.

– Солнышко, все что ты слышала сегодня на кухне, показалось тебе, наверное, невероятно безумным и глупым, – начала я, от натужной улыбки свело скулы, а голос звучал визгливо. – Мы дурачились, вот и все! Мамочка встретилась с другом, мы представляли, что нас снимают в кино или что-то в этом роде. – Ханна продолжала молча смотреть за мной. Я облизала губы. – Суть в том, дорогая, что все должно оставаться в секрете. Ты никому не должна рассказывать о том, что узнала из нашего разговора, о чем толковали мамочка и ее друг, о подслушанной игре. Понимаешь? Никому ни слова, даже папочке. Обещаешь?

Ханна прищурилась, изучающе посмотрела на меня с аб-

солютно непроницаемым выражением лица. Она отвернулась и закрыла глаза – мне оставалось лишь безмолвно наблюдать за ней, холодея от страха.

Лондон, 2017

Когда Клара зашла в полицейский участок, в памяти всплыло, как около года назад она упала и сильно вывихнула лодыжку. Люк, опасаясь перелома, отвез ее в госпиталь, ожидание осмотра затянулось далеко за полдень. Стояла невыносимая жара, приемное отделение было переполнено до отказа больными и травмированными пациентами, в душном воздухе почти физически ощущалось облако разочарования и тоски.

Она присела в ожидании, положив ногу на стул, Люк расхаживал взад и вперед как тигр в клетке. После того как Клару наконец позвали на рентген, она вернулась через некоторое время и обнаружила Люка, громко болтавшим сразу с несколькими пациентами, среди которых был пьяный в стельку мужик с татуировкой на лице, женщина средних лет с подбитым глазом, парочка пенсионеров и обкуренный юнец. Когда Клара подошла, они надрывались от смеха, Люк был явно посередине длинной и, судя по всему, утомительной истории о том, как он подростком сломал себе ногу. Казалось, невзгоды рассеялись, словно туман, и в воздухе витал

праздничный настрой.

Перелома у нее не нашли, но боль все еще была нестерпимой.

– Подожди здесь одну секундочку, – сказал Люк и исчез, чтобы вновь возникнуть через пять минут вместе с инвалидной коляской.

– Ты уверен, что мы можем ее взять? – спросила она, с сомнением глядя на коляску.

– Ага, я все уладил. – И он помахал рукой медсестре в другом конце коридора. – Завтра верну, Сью! – прокричал Люк, она добродушно закатила глаза и кивнула в ответ.

На улице в течение нескольких минут он осмотрительно вез коляску, а затем, прибавляя темп, понесся по тротуарам, делая вид, что вот-вот налетит на фонарный столб или куст, объезжая их в последний момент, и когда они с Люком с бешеной скоростью покатали к ближайшему пабу, Клара визжала и смеялась так сильно, что позабыла о своей вывихнутой лодыжке. А вечером он приготовил любимое блюдо Клары и пригласил на ужин с бутылочкой вина ее лучшую подругу, Зою, чтобы как-то приободрить Клару. Было в нем это качество – любую неблагоприятную ситуацию Люк мог превратить в нечто жизнеутверждающее. Он из всего устраивал вечеринку. Она подняла глаза, увидела перед собой отделение полиции и сделала глубокий вдох, прогоняя воспоминания прочь.

Сержант Андерсон проводил ее мимо стойки дежурного в большой шумный офис, где работало несколько полицейских: кто-то говорил по телефону, кто-то барабанил по клавишам компьютера. Никто не посмотрел в ее сторону, когда она вошла; Андерсон подвел ее к стоявшему в углу столу и кивком предложил сесть. Клара отметила, что сегодня он был какой-то не такой, ее смутили его деловитая поспешность и мрачная целеустремленность. Она молча опустила на стул, готовая услышать что угодно.

Присаживаясь рядом с ней, он кликнул по мышке и экран компьютера загорелся.

– О'кей, – сказал он. – Это запись с камер наблюдения на... О'кей, это видео сделано в семь часов тридцать шесть минут вечером во вторник, – продолжил Андерсон, – если присмотреться, заметно, как Люк покидает здание и направляется в сторону Бродвик-стрит.

– Дак-Лейн, – Клара закончила за него, внимательно глядя в экран. На обесцвеченном видео с немного нечеткой картинкой была видна узкая улочка – тупик рядом с Бродвик-стрит, укрывшаяся за чередой офисных зданий, магазинов и кафе, она проходила вдоль той части Ворддор-стрит, которую занимало издательство Бриндл-Пресс.

На этой улочке разгружались фургоны для доставки товаров через задние входы различных учреждений и организаций – здесь же сотрудники Бриндл-Пресс курили, звонили по личным делам или же просто толпились по сигналу учебной пожарной тревоги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.